ХАННА ХАУЭЛЛ
Если он подобается
ШАРМ

Ханна Хауэлл

Если он поддастся

Серия «Уорлоки», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10864315
Хауэлл Ханна. Если он поддастся: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087147-6

Аннотация

Молодая вдова леди Олимпия Уорлок весьма известна в лондонском свете благодаря уникальному дару – способности видеть, будто наяву, местонахождение пропавших людей и предметов.

На сей раз юная девушка просит найти исчезнувшего брата, Брента Маллама, графа Филдгейта, – единственного, кто может избавить ее от ненавистного брака по расчету.

Однако, увидев мысленным взором графа, опустившегося, оглушенного вином, в обществе хищных куртизанок, Олимпия понимает, что сама должна спасти его из болота, в котором он увяз, и призвать на помощь сестре.

Так начинается захватывающая история опасных приключений, изощренных интриг – и, конечно, любви, страстной и всепоглощающей…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 32
Глава 6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Хауэлл Ханна
Если он поддастся

Hannah Howell
IF HE’S TEMPTED

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

© Hannah Howell, 2012
© Перевод. И. П. Родин, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Лондон
Осень 1790 года

Леди Олимпия Уорлок ненавидела женский плач. И чем моложе была женщина, тем труднее это было переносить. При виде их слез в ней начинали бунтовать все ее материнские инстинкты, которые иногда хотелось укротить, – ведь леди Олимпия была еще не столь стара, чтобы испытывать материнские чувства к юной особе, внешность которой свидетельствовала о том, что через год, в крайнем случае другой, она будет готова начать охоту за мужьями. Огромные серо-голубые глаза девушки, стоявшей перед ее дверью, были полны слез, и Олимпия поняла, что поток влаги мог пролиться в любой момент.

Олимпия подавила готовое вырваться ругательство. Дорогой наряд и внешность – изящная и изысканная – говорили о благородном происхождении посетительницы. Накидка же, в которую та куталась в тщетной попытке укрыться от любопытных глаз, ушла бы на ярмарке за сумму, вполне достаточную, чтобы прокормить семейство бедняков в течение года, а может, и дольше. Где-то рядом должна была обретаться ее служанка, если не здоровенный – при оружии – слуга.

– Мне нужно увидеться с Эштоном, лордом Редманом, – сказала девушка.

– Его здесь нет, – ответила Олимпия и, осмотрев улицу, над которой уже повисли вечерние сумерки, отметила, что их короткий разговор стал привлекать внимание.

Ее семья потихоньку выкупала все дома по соседству, однако здесь продолжали жить еще несколько чужаков, а люди, не связанные с ней кровным родством, непременно начнут сплетничать – можно было не сомневаться.

– Зайдите, – сказала Олимпия и, схватив незнакомку за руку, втянула в дом. – Вы же не хотите обсуждать свои проблемы на улице… – Она провела незваную гостью в гостиную.

– О нет, конечно, нет, – прошептала девушка и поспешно села на стул, на который ей взмахом руки указала Олимпия. – Новость о нашей беседе может дойти до моей матери.

«То, что незнакомка заботится о таких вещах, не предвещает ничего хорошего», – подумала Олимпия. В этом ей увиделся намек на то, что юная особа вознамерилась найти кого-нибудь, кто встрянет в ее распри с собственной матерью.

Олимпия занялась приготовлением чая, немного пожалев, что чай и бисквиты, которыми она решила побаловать себя в одиночестве, теперь придется делить с незваной гостьей. Как будто ей уже надоело сладостное одиночество, проводимое в размышлениях, при полном отсутствии проблем.

– Не могли бы вы сказать… Так кто же вы? – спросила она и увидела, как бледные щеки девушки порозовели от смущения.

– Я леди Агата Маллам, сестра Брента Маллама, графа Филдгейта.

Хоть и с трудом, но Олимпия все же сдержалась и не выхватила чашку с чаем из рук девушки; ей ужасно хотелось вытолкать гостью на улицу. И не потому, что за последние несколько лет лорд Филдгейт создал себе отвратительную репутацию – в ее собственной семье тоже хватало отчаянных повес, – а потому, что мать этой юной леди принадлежала к дамам, от которых Олимпия пыталась держаться как можно дальше, чего бы это ни стоило. И если Филдгейт прославился своими пьяными загулами, азартными играми и амурными похождениями, то его матушку общество знало как женщину, обладавшую огромной властью и готовую безжалостно ею воспользоваться. Для Олимпии не составляло секрета, что за блестящими манерами, утонченностью и изяществом вкупе с самой благороднейшей родословной скрывалась глубоко порочная душа леди Летиции Маллам. Это не было сек-

ретом и для других членов семьи Олимпии, которые знали, что упомянутая дама продала в бордель невинную девушку только для того, чтобы удержать сына от женитьбы на ней. Столь жестокий поступок привел к смерти бедняжки и, как была уверена Олимпия, также к тому, что Брент Маллам неуклонно погружался в темное болото разврата.

В ответ на слова гостьи Олимпия кивнула и тоже представилась:

– А я леди Олимпия Уорлок, баронесса Миртл-даунс.

– Я знаю. Нас не знакомили, но мне вас показывали. Вы не знаете, когда Эштон вернется?

– Думаю, он перевезет всех назад в город к концу осени, как только моя племянница придет в себя после родов. Сейчас Лондон не самое подходящее место для маленьких детей.

Нижняя губа девушки задрожала, что с тревогой отметила Олимпия и быстро придвинула поближе к ней блюдо с кексами и бисквитами. Олимпия не считала чай панацеей от всех бед – хотя это утверждали повсеместно, – но понадеялась, что лить слезы и одновременно пить чай, закусывая кексами, – дело совершенно невозможное.

– Поздно… Меня это не спасет, – сказала Агата, и вид у нее был такой, словно все ее надежды рухнули в одну секунду и обратились в прах.

Олимпия подавила в себе желание обнять юную леди, погладить по спине и сказать, что все будет прекрасно. Но таких заверений она дать не могла, так как даже знала, в чем, собственно, заключались тревоги сестры Брента.

И еще Олимпия удивилась: почему же у нее из головы не выходил этот самый Брент? Она сомневалась, что провела в его компании больше нескольких часов за последние несколько лет. Ей следовало бы величать его милордом или даже лордом Филдгейтом, но уж никак не Брентом – ведь они не были ни друзьями, ни близкими родственниками. Странно было и то, что она сейчас ясно представила себе его облик. Более того, при одной мысли о том, что глаза у него темно-серые и потрясающей красоты внешность, ей даже стало немного жарко, и это привело ее в замешательство. Да, она любила наблюдать за красивыми джентльменами, но от подобного занятия ее еще никогда не бросало в жар.

– Поздно – для чего? – поинтересовалась Олимпия и мысленно отчитала себя за то, что не сразу отправила девушку домой.

– Для того, чтобы остановить мое замужество.

– Замужество? Но вы выглядите еще недостаточно взрослой для этого.

– Мне недавно исполнилось шестнадцать, но мать решила, что пришла пора выдать меня замуж. В настоящее время она ведет переговоры с человеком, который горит желанием жениться на мне. – Агата сделала глубокий вдох; ее прерывистое дыхание лишний раз доказывало, что ей не удавалось взять себя в руки. – Она пытается договориться с Хорасом Минденом, бароном Минден-Грейнджем.

Олимпия чуть не уронила чашку, которую как раз поднесла ко рту. Она редко выезжала в свет, считая это занятие скучным. Люди, встречавшиеся ей там, были никчемными, очень часто – откровенно жестокими, поэтому она общалась с ними только в случае крайней необходимости. Но даже ей было знакомо это имя. Барон пользовался не только славой старого развратника: распутников среди титулованных джентльменов было множество – хоть тот же граф Филдгейт, – однако Минден, по слухам, отличался запредельной греховностью, и говорили, что в этом ему не было равных. Поговаривали также, что три его предыдущих жены скончались не из-за болезней и несчастного случая, как было объявлено официально. Правда, и доказательств обратного никто не приводил. И никто не видел его детей, хотя краем уха Олимпии как-то довелось услышать, что у Миндена имелось восемь чад.

– Вы в этом уверены? – спросила она девушку.

– Я слышала их разговор, – заверила ее Агата. – Мамочка собирается получить за меня кучу денег. Барон пока не принял решения, но я слышала, как мамочка сказала, что ему

страшно хочется заполучить в жены молоденькую девственницу. – Агата быстро заморгала, безуспешно пытаясь скрыть слезы. – Конечно, я знаю свое место. Я должна выйти замуж за того, кого выберет семья, но мне хотелось бы переждать хотя бы один сезон: а вдруг мне еще встретится достойный джентльмен? Я вообще-то не очень переживаю из-за того, что мужчина, которого мне выберут, может оказаться намного старше меня: это весьма распространено, – но мне невыносима сама мысль о браке с Минденом. Даже до меня дошли слухи о том, что он за человек и что творит в припадках ярости. От этих историй меня тошнит.

– Иначе и быть не может, – пробормотала Олимпия. Она потягивала чай маленькими глотками и мысленно удивлялась: «Кто же оказался настолько жестоким или черствым душой, что рассказал невинной девочке подобные вещи?» – Как, по вашему мнению, Эштон сможет помочь вам? Он ведь не входит в число ваших родственников…

– Он найдет Брента и расскажет ему о моих опасениях. Я попыталась сама найти брата, потому что он глава семьи, однако мне сказали, что сейчас с ним невозможно связаться. Ни на одно из писем, которые я ему отправила, ответа не пришло. У меня даже нет уверенности, что они дошли до него, хотя я приняла все меры предосторожности, чтобы их не перехватили. Мне очень трудно, потому что неизвестно, кому можно довериться в собственном доме. Мамочка запугала всех слуг.

– Вам больше не к кому обратиться в своей семье?

– Две старших сестры замужем. Мне не верится, что они обратят внимание на мои призывы о помощи. К тому же сестры намного старше меня и у них собственный опыт замужней жизни. Их браки устраивал отец, и я уверена, что мужей им он выбрал, исходя из того, сколько денег за них заплатят, а не из того, подойдут ли женихи Мэри и Элис и будут ли они счастливы с такими мужьями. Я помню жаркие споры на эту тему между папочкой и Брентом, пока шли переговоры. Их, кстати, завершили во время отъезда Брента. Ему даже не послали приглашение на свадебные церемонии. Я думаю, отец понимал, что брат будет против этих браков. А двое других братьев младше нас с Брентом. Их отослали в школу, и им ни до чего нет дела. – Агата нахмурилась. – Я не знаю, в чем дело, но у мамочки не было детей после Брента в течение почти семнадцати лет. А потом на свет появились я, Джаспер и Эмери.

Олимпии же все было ясно. У человека не стало денег на то, чтобы содержать любовниц и платить куртизанкам, компанией которых он наслаждался годами, поэтому пришлось возвратиться в объятия давным-давно брошенной супруги. На короткий миг Олимпии даже стало жалко леди Летицию, которой столько горечи принесло поведение мужа, но потом она решила повременить с сочувствием. Действия, предпринятые Летицией, чтобы отвратить сына от любимой женщины, казались воистину дьявольскими, и их невозможно было объяснить пренебрежительным отношением мужа. Судя по всему, зло поселилось в душе этой женщины изначально.

– Вы не знаете, как связаться с Эштоном или Брентом, миледи? – спросила Агата, вторгаясь в мысли Олимпии.

– Как я уже сказала, Эштон дожидается рождения следующего ребенка, поэтому мне не кажется, что он сможет быть вам полезным. Он никуда не уедет от жены. Да у него и возможностей таких нет, чтобы помочь вам. Он ведь вам не родственник, даже не какой-нибудь дальний кузен…

– Он мог бы застрелить Миндена, – пробормотала девушка.

– Он, конечно, может. Однако я совсем не уверена, что Пенелопа захочет, чтобы ее мужа вздернули на виселице или отправили в ссылку. – Олимпия скрыла улыбку и добавила: – Я попробую сама добраться до вашего брата.

Но Олимпия тут же пожалела о своем обещании. Она уже была сыта по горло проблемами своего братца Аретаса, а до этого разбиралась с делами своей племянницы Пене-

лопы, а также их кузин Хлои и Алетии. Проблемы же этой девушки не имели отношения к семье Олимпии, однако… Вне всякого сомнения, в них придется окунуться с головой. Да и какой женщине не захочется помочь невинной молоденькой девушке избежать брака, если ее насильно выдают замуж за человека с репутацией чернее ночи?

– Вы сделаете это ради меня? – спросила Агата, прижав руки к груди.

– Да. Постараюсь. Могу обещать только это. А сейчас… Допивайте свой чай, и я прослежу, чтобы вас благополучно доставили до дома.

– Только надо сделать так, чтобы никто меня не увидел, если вы не возражаете. – Девушка вспыхнула. – Мама не должна узнать, что я пытаюсь найти кого-нибудь, кто смог бы мне помочь, иначе она положит этому конец. Я думаю, она никому не позволит нарушить ее планы. Я должна действовать в полной тайне.

– Можете в этом полностью на меня положиться, миледи. Моя семья отличается тем, что прекрасно умеет хранить секреты. – Олимпия нахмурилась и добавила: – Но ведь ваш брат является главой семейства… Каким же образом леди Летиция сможет выдать вас замуж, не поставив его в известность? Ей по меньшей мере нужно будет получить от него подписи на нескольких документах, прежде чем она передаст вас в руки Миндена.

– Мать собирается подделать его подпись. Так уже было несколько раз. Я думаю, что она вдобавок попробует убедить кое-кого из влиятельных людей, что только у нее есть права на меня, потому что брат превратился в то… во что превратился.

В течение получаса Олимпия осторожно выуживала из Агаты всю информацию об уловках и приемах, с помощью которых ее мать вела свои дела. Прекрасно владевшая искусством подслушивать, девушка смогла многое поведать – даже о тех случаях, когда сама не вполне понимала, о чем шла речь. Но все рассказанное ею не имело подтверждения, и иногда казалось, что ее слова не более чем предположения. И все же Олимпия была почти уверена, что по леди Летиции Маллам давно плакала веревка. И Олимпия совершенно не удивилась, когда в конце беседы вдруг обнаружилось, что леди Летиция стакнулась с Минденом не только для того, чтобы провернуть замужество последней из своих дочерей.

Поняв, что Агате больше нечего рассказать, Олимпия позвала своего слугу Пола. Она дала девушке строгие инструкции, объяснив, как, сохраняя полную тайну, входить с ней в контакт в случае необходимости, а потом сказала слуге, как доставить девушку домой, не привлекая к себе внимания. Когда же за Агатой и Полом закрылась дверь, она расположилась на небольшом диванчике и закрыла глаза.

«Нужно ожесточить свое сердце», – пришла к выводу Олимпия после недолгих размышлений. Она не могла бросаться на помощь всем, кто об этом попросит. Тем более что решение проблем, которые постоянно возникали в ее семье, требовали от нее и времени, и сил. Когда она занималась делами Аретаса, ее жизни угрожала реальная опасность, и страх до сих пор преследовал Олимпию, пробуждая у нее давние мрачные воспоминания. Каждое событие, участницей которого она становилась в течение последних трех лет, могло закончиться для нее весьма печально. И вот – новая напасть… Она вдруг поняла, что ей не хочется заниматься чужими делами.

– Похоже, мной начинает овладевать трусость, – пробормотала Олимпия с отвращением к самой себе.

– Нет, миледи. Надеюсь, это осторожность, а не трусость.

Олимпия открыла глаза и улыбнулась своей горничной Энид Джонс. Скорее даже компаньонке, чем горничной, потому что Энид находилась при ней еще с тех времен, когда они были маленькими детьми. И она знала: Энид говорила то, что думала, – это было видно по ее карим глазам.

– Юная леди нуждается в помощи, и я только что предложила ей себя в качестве защитницы, – призналась Олимпия.

– Мне кажется, по-другому и быть не могло. Но разве это трусость?

– Я слишком стара для подобных дел.

– Если это правда, мне уже пора быть одной ногой в могиле. Я ведь на два года старше вас. – Энид улыбнулась и села рядом с Олимпией. – Итак, что нужно сделать, чтобы помочь этой девушке?

– У меня сложилось впечатление, что мать леди Агаты – прекрасный образчик человеческий низости. Она собирается сбыть девочку сэру Хорасу Миндену, барону Минден-Грейнджу. – Увидев, как побледнела Энид, Олимпия не удивилась.

– Он ведь ей в деды годится. И развратник до мозга костей.

– Вне всякого сомнения. И я боюсь, мать девочки хочет окунуться в глубины этого разврата.

– Но зачем?.. Зачем этой женщине нужна грязь, в которой копошится барон?

– Деньги! Если дорогая мамочка введет Горация в семью через замужество дочери, тогда в ее распоряжении появится новый способ набить мошну.

– Неужели женщина сможет отдать свою плоть и кровь на поругание такому человеку?

– Тебе известно имя моей визитерши, Энид?

– Откуда? Вы же сами встретили…

– Ах, да-да… Так вот, юная дева, которую твой обожаемый муж Пол провожает сейчас домой, – сестра Брента Маллама, графа Филдгейта. – Глаза Энид округлились от ужаса, а Олимпия кивнула: – Вот-вот… Мы говорим о той женщине, что продала в бордель девушку, которую любил ее сын и на которой собирался жениться, – о той женщине, которая сейчас угрожает своей дочери. Конечно, у нас с тобой нет доказательств, что эта женщина приказала убить несчастную Фейт, но только благодаря ее усилиям девочка оказалась в том аду, а потом и в могиле. А дитя с ангельским лицом, которое только что вышло отсюда, – дочь леди Летиции Маллам. Бедняжка!

– Почему же она не обратилась за помощью к брату?

– Не знаю наверняка, пыталась ли бедняжка увидеться с ним, но она утверждает, что несколько раз писала ему обо всем происходящем, последний раз – две недели назад или около того. И никакого ответа. Не было даже записки от него. Она почти уверена, что ни одно из ее писем не дошло до брата. Несмотря на все меры предосторожности, предпринятые ею, кто-то перехватывал ее почту. Между прочим, не так давно распространились слухи о том, что Филдгейт пошел по той же дорожке, что и Минден, идет по ней уже несколько лет – и пока что довольно резво. Когда я видела Филдгейта последний раз, он был…

Энид толкнула хозяйку локтем в бок.

– Почему вы замолчали, миледи?

– Ох, от людей типа Миндена я теряю дар речи. Мысль о том, что молоденькую девушку отдадут Миндену, вызывает у меня тошноту и головную боль. – Олимпия пожала плечами. – Какому нормальному человеку захочется заниматься подобными делами?

– Никакому, я уверена, – согласилась Энид. – Но почему девочка решила, что вы сможете что-нибудь сделать для нее?

– Вообще-то она искала не меня, а Эштона, потому что явно понадеялась на то, что графский друг детства знает, каким образом передать ему весточку.

Олимпия побарабанила пальцами по подлокотнику диванчика. Она могла бы отправить несколько строк Эштону, но ей страшно не хотелось это делать. Его семье пока не следовало возвращаться в Лондон. Так было бы лучше и для Пенелопы, которая опять ходила беременная – слишком скоро после рождения близнецов. Что ж, Олимпии предстояло серьезно поговорить с племянницей о том, как избегать таких частых беременностей. Если потребуется, она и с Эштоном поговорит на эту тему.

– Я думаю, нам нужно держать Эштона подальше от этой грязи, – тихо проговорила Олимпия.

– Лорд Редман наверняка будет недоволен. – Энид принялась собирать чайную посуду.

– Ни к чему сообщать ему об этом. Пенелопе необходимо оставаться за городом, а если Редман надумает поехать к Филдгейту, то она будет настаивать, чтобы отправиться вместе с ним. К сожалению, все члены моей семьи сейчас находятся вне пределов столицы, и все они заняты своими делами.

Энид покачала головой:

– Сомневаюсь, миледи. Ваша семья весьма велика, и наверняка не все ваши родственники уехали из Лондона.

– Может, и так. Только мне сейчас не приходит на ум, кто из них мог бы оказаться под рукой. – Олимпия встала и расправила юбки. – Я должна отправить Филдгейту письмо. И тогда увидим, игнорирует ли он корреспонденцию только от своей семьи – или игнорирует все и всех.

– Вы собираетесь заняться этим делом лично?

– Разве не ко мне лично обратились за помощью?

– На самом деле это не так. Вы просто случайно сами открыли дверь. – Не обращая внимания на хмурый вид Олимпии, Энид добавила: – Я думаю, вам лучше бы сообщить лорду Рэдману, что на горизонте собираются тучи.

– Если удастся придумать, как поставить его в известность, но так, чтобы при этом он тут же не сел на коня и не помчался на помощь другу, – тогда я это сделаю.

– Что ж, понятно… Я слышала, граф Филдгейт перешел в стан либертианцев-развратников. Может, граф пока еще не вывалялся в грязи, как Минден, однако уже близок к этому. Перед ним закрывают двери. Недавно разнеслись слухи, что граф начал совершать обходы домов. Так вот, несмотря на то что он молод, богат и не женат, многие семьи пытаются оградить от него своих дочерей. И мне кажется, что лучше бы эти заботы переложить на плечи мужчин.

– Чушь! – отрезала Олимпия, выходя из комнаты вслед за Энид. – Но надо сделать так, чтобы граф полностью осознал: его сестре грозит опасность.

– А если ему все равно?

Олимпии даже думать об этом не хотелось. Она ведь слышала, как тяжко Брент скорбел, когда обнаружили тело его Фейт. И Маллам представлялся ей тогда нежным и любящим, хотя со временем стал другим. Тем не менее Олимпия не могла поверить, что этот человек, так страдавший когда-то, теперь повернется спиной к сестре и позволит своей матери уничтожить еще одну близкую ему женщину. Более того, Олимпия отказывалась верить в то, что Брент сам себя уничтожил, несмотря на все россказни про его пьянство и амурные похождения. Нет ничего необычного в том, что мужчина пытается утопить свое горе в вине. По какой-то странной причине почти все мужчины считали, что это им поможет. Но графу требовалось совсем другое средство. Война с матерью за счастье собственной сестры стала бы для него тем лекарством, с помощью которого он мог бы преодолеть душевный распад.

– Он не откажется! – заявила Олимпия и заторопилась в библиотеку, где оставила свои письменные принадлежности. – Граф поможет, потому что ему это нужно, чтобы вернуть себя прежнего.

Поставив поднос с чайной посудой на столик в холле, Энид поспешила вслед за Олимпией.

– Мне не нравится выражение ваших глаз, мисси.

– Мисси?.. – Олимпия села за стол и разложила перед собой перья, чернила и бумагу. – О господи, где же уважение, которое мне до́лжно оказывать как баронессе?

– Я его окажу, как только вы оставите мысли о том, что вам надо спасать этого мужчину. Он ведь развратник! Он проводит больше времени в борделях и игорных домах, чем на свежем воздухе в деревне.

– Мне кажется, что в данный момент он как раз в деревне. – Олимпия окунула гусиное перо в чернила и вывела первое слово. – Там так легко дышится!..

Она взглянула на свою компаньонку и слегка улыбнулась. Энид стояла над ней, скрестив руки на груди и насупившись. Такое неодобрение имело некоторое отношение к их последней мимолетной встрече с графом. Филдгейт тогда, пытаясь держаться, как подобает джентльмену, поклонился Олимпии, а потом решил подсадить ее в карету возле дома Бенсонов, где она присутствовала на музыкальном вечере. К несчастью, Филдгейт оказался пьян, и пьян настолько, что, кланяясь, чуть не клюнул носом в землю; когда же стал подсаживать Олимпию, то чуть ли не закинул ее в карету, где она приземлилась прямо на колени Энид.

Отвращение Энид к злоупотребляющим горячительными напитками было вполне понятно – ведь она росла под постоянной угрозой рукоприкладства со стороны отца, который напивался слишком уж часто. Но временами Энид относилась к этому пороку чересчур уж сурово. Что же касается самой Олимпии, то она была не вполне уверена, что Филдгейта можно будет отвлечь от безумств с выпивкой и женщинами, но попытаться стоило.

– А еще я подозреваю, что он таскается с женщинами по притонам, пьет с ними… и обладает ими, – не унималась Энид. – Вы не должны с ним больше знаться.

– Но он друг моего племянника, давний и самый близкий друг Эштона. Филдгейт практически член нашей семьи. – Олимпия вскинула руку и проговорила: – Нет-нет, помолчи, не возражай. Я с ним увижусь. И я готова помочь его сестре: одна, если он предпочтет повернуться спиной к девочке, или вместе с ним, если решится что-то предпринять. Самой главной тут является Агата, не правда ли?

Энид со вздохом кивнула:

– Все так, миледи. Просто мне неприятна мысль, что вы свяжетесь с человеком, который так любит прикладываться к бутылке.

– Если для него это важнее всего, если он откажется выпустить бутылку из рук, чтобы помочь сестре, тогда я найду кого-нибудь… более пригодного для такого дела. Но сначала мы попытаемся выяснить: он не отвечает на любые письма или только на те, которые получает от сестры?

– А вдруг он вовсе не отвечает на них?

– Мы дадим ему две недели на то, чтобы ответить мне. Я закидаю его письмами. А если он не ответит… Тогда мы поедем к нему, чтобы прочесть ему мое послание вслух.

Глава 2

– Это жилище неженатого человека. Молодой даме из приличного общества здесь не место, – заявил дворецкий.

Олимпия оглядела высокого худого мужчину, загородившего дверь в особняк Филдгейта. Такого тощего и грубого дворецкого она в жизни не видела. Учитывая слухи о распутстве лорда Маллама, Олимпия могла понять нежелание слуги впустить в дом женщину, которая выглядела намного респектабельнее всех прочих посетительниц Брента. Но у нее не было времени на разговоры.

После ее обещания помочь юной Агате прошло две недели. За это время Олимпия отправила Малламу несколько писем и записок, которые были им проигнорированы. Если бы он жил, например, в Йоркшире, она подождала бы ответа еще немного, прежде чем начать действовать. Но до графа было всего полдня пути, даже меньше, если проскакать это расстояние на лошади или преодолеть в легком экипаже. Олимпия твердо придерживалась своего решения насчет двух недель ожидания, после того как отправит первое письмо, и ждать дольше она не собиралась. Агата тоже не собиралась ждать, когда брат соизволит отставить в сторону бутылку или избавиться от женщины, которую обхаживал в данный момент.

– Я здесь по семейному делу, добрый человек, – заявила Олимпия.

– Вы не принадлежите к семье графа.

– Я прибыла с посланием от его сестры, которая слишком молода, чтобы самой проделать такой путь.

– Передайте мне на словах содержание послания, и я доведу его до сведения его милости.

– Я потеряла две недели, бомбардируя письмами вашего хозяина. Либо он не получил ни одного моего послания, либо вообще не склонен отвечать никому.

Что-то в прищуренных глазах дворецкого подсказало Олимпии, что прямо перед ней стоит причина того, почему до Брента не доходили письма от сестры. Она неспешно сложила зонтик. Ей вдруг стало страшно интересно, что именно заставило этого человека предать своего господина. «Деньги скорее всего», – решила она и с размаху треснула его зонтиком по голове. Тот выругался и отскочил на несколько шагов, освободив ей дорогу. Олимпия переступила через порог и нанесла ему еще один удар. Дворецкий рухнул на пол. Олимпия же нахмурилась, услышав звук, с каким голова дворецкого стукнулась о мраморный пол. И тут же обрадовалась, увидев, что он без сознания. Ну что тут поделаешь, право?

– Пол! – позвала она, зная, что слуга и Энид стоят у нее за спиной.

Пол немедленно вырос сбоку, в чем не было ничего удивительного.

– Да, миледи… – Он усмехнулся, увидев лежавшего на полу дворецкого.

– Не вздумай позволить этому человеку последовать за мной.

– Можно ему еще раз врезать, если попытается?

– Да. Если другого выхода не будет. Я думаю, его давно нужно было наказать, потому что мне кажется, что он действует против интересов своего хозяина.

Пол цыкнул и пробормотал:

– И куда только мир катится, а?

Олимпия решила не начинать философскую дискуссию с Полом, а попытаться понять, где искать Брента в первую очередь. Она не думала, что особняк Филдгейта настолько велик. Граф мог находиться в любой из комнат, а здесь их было, наверное, несколько дюжин. И чем дольше будут продолжаться поиски, тем реальнее станет вероятность того, что в дело вмешаются другие слуги. Вдруг дворецкий не единственный предатель в окружении Филдгейта?

После недолгих колебаний Олимпия, не сходя с места, просто громко выкрикнула имя графа. Способ неделикатный, но зато эффективный.

– Его светлость в библиотеке, миледи.

Олимпия посмотрела на мальчугана, который откликнулся на ее призыв. Ей думалось, он мог бы быть менее чумазым и менее худым, но в больших голубых глазах она не увидела ни намека на хитрость или вероломство. Напротив, взгляд, которым он окинул поверженного ею дворецкого, был полон веселья. Судя по всему, вина дворецкого заключалась не только в предательстве хозяйских интересов.

– Кто ты? – спросила Олимпия у мальчика.

– Томас Пеппер, миледи, – представился тот. – Я чистильщик обуви. – Он поморщился. – А еще я иногда чищу котлы, иногда подтираю грязь, иногда…

– В общем, мастер на все руки, – перебила Олимпия. – Я все хорошо поняла.

«Даже слишком хорошо», – добавила она мысленно. Граф перестал обращать внимание не только на свою родню. В его собственном доме накопилось множество проблем, требовавших срочного разрешения, – это было очевидно. После своего знакомства с ним на свадьбе ее племянницы Пенелопы и его друга Эштона Олимпия не раз, сталкиваясь с ним, замечала, что он все более и более отдавался пьянству и распутству (впрочем, их встречи были редкими и короткими, а та неловкая ситуация, когда он помогал ей сесть в карету, стала самой запоминающейся). У нее сложилось впечатление, что этот человек дошел до той точки, когда волнует лишь одно – чтобы была бутылка под рукой и девица в постели. И Олимпии оставалось только надеяться, что ей удастся вытащить его из этой пропасти.

– Проводи меня к его милости, Томас, – сказала она мальчику.

– Пожалуйста, сюда, миледи.

Шагая следом за мальчуганом, Олимпия решила, что нелишним будет получить кое-какую информацию о его светлости и узнать, как вообще обстояли здесь дела.

– Дворецкий ведь не до конца предан лорду Филдгейту? Я права?

– Да, миледи. Он получает деньги от этой старой ведьмы за то, что шпионит за его светлостью. И одновременно получает жалованье у хозяина. Вы одна из тех, кто писал письма его светлости?

– И я, и его сестра. Письма перехватывал дворецкий, так ведь?

– Да, это его рук дело. Надеюсь, там не было ничего секретного. Потому что теперь это больше не секреты.

– Я была очень осторожна в выражениях.

– Это умно!

– Хотелось бы так думать. И еще хочется быть уверенной, что младшая сестра его светлости была столь же осторожна. Потому что я подозреваю: все, о чем она писала брату, тут же становилось известным… э… старой ведьме.

– Так оно и было. Библиотека – это вот здесь. – Мальчик остановился перед высокой двустворчатой дверью. – Его светлость там один, но не вполне здоров, если вы понимаете, о чем я…

– Прекрасно поняла, что ты имеешь в виду. У меня среди родичей много мужчин. – Олимпия усмехнулась. – Не мог бы ты заварить чай покрепче? Или, может, перекусить? Для желудка было бы полезнее сытно поесть. Хотя голова – важнее.

– Да, миледи.

Мальчуган поспешно удалился, а Олимпия повернулась к дверям, ведущим в библиотеку. Это были весьма впечатляющие двери – из толстого дуба, украшенные резьбой на средневековый манер. Когда-то Малламы, вероятно, были очень богаты. Она знала о том, что Брент вместе с Эштоном успешно вкладывали деньги, поэтому ей стало интересно, во что

графу обошлись все его попойки, девки и азартные игры. Неужели он не понимал, что попал в ту же ловушку, что и его предки?

Отбросив эту мысль, Олимпия распахнула двери и шагнула в комнату. Попросить разрешения войти – так поступил бы любой воспитанный человек, но в данный момент ей было не до политесов. А еще ей не хотелось получить отказ и оказаться в ситуации, когда пришлось бы через запертую дверь кричать графу, что ей надо с ним пообщаться.

Лорд Филдгейт лежал на канапе, и глаза его были закрыты. В результате разгульного образа жизни морщины на его красивом лице стали более глубокими и отчетливыми, чем раньше. Когда Олимпия подошла поближе, до нее донесся запах спиртного. Следов от пролитого вина на полу она не увидела, как не увидела поблизости недопитого бокала. Вид же у графа был довольно опрятный, и одежда оказалась в полном порядке, поэтому Олимпия предположила, что запах – это результат ночной попойки. От ее отца по утрам частенько пахло именно так. Ей тогда казалось, что все спиртное, что он выпил накануне, выступало через поры. «Брент Маллам действительно спивается», – подумала она.

Когда Олимпия приблизилась к изножью канапе, он неожиданно открыл глаза и посмотрел на нее. Она чуть не застонала, встретив взгляд этих прекрасных темно-серых глаз. Именно их она с особой остротой вспоминала всегда при упоминании его имени. Сейчас глаза были затуманены усталостью, а белки испещрены красными прожилками. Он хмуро смотрел на нее какое-то время, а потом, заторопившись, неловко поднялся.

– Что вы здесь делаете, миледи?

– Пожалуйста, садитесь, Филдгейт, не то упадете. – Олимпия подавила желание подскочить к нему, схватить за руку и поддержать – он стоял перед ней, чуть покачиваясь. – Пожалуйста, сядьте. Я не смогу удержать вас, если вы сейчас рухнете.

Брент осторожно опустился на канапе и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять головокружение, появившееся после того, как ему пришлось резко встать, чтобы поприветствовать даму. Было очевидно, что Филдгейт пытался скрыть смущение.

«Но я ведь не приглашал леди Олимпию Уорлок в свой дом, не так ли? – подумал граф. – Так что пусть принимает меня таким, какой я есть». Хотя ему очень хотелось бы, чтобы она не застала его страдающим от похмелья. Заглянув же в ее голубые глаза, Брент увидел в них намек на жалость и мысленно выругался. Отвращение он мог бы вынести, но жалость такой сильной и красивой женщины… Ему захотелось куда-нибудь исчезнуть. Ощущение собственной слабости было нестерпимым. И как реакция на это возникло желание выкинуть ее из дома. Но все же любопытство взяло верх. После их знакомства на свадьбе Эштона и Пенелопы он не так часто встречал леди Уорлок – лишь пару раз перебросился с ней вежливыми фразами на каких-то светских вечерах. Но почему она оказалась в его доме?..

– Почему вы здесь? – спросил граф. А потом вдруг вспомнил, что теперь Олимпия одна из родственниц его давнего доброго друга. – Что-нибудь случилось с Эштоном?

– Помимо того, что его чадолюбивая жена готовится принести ему еще одного ребенка? Нет, ничего, – ответила баронесса и повернулась на тихий стук в дверь. – Сейчас мы поговорим о причине моего визита к вам.

Открыв дверь, она впустила мальчика и сильно нервничавшую служанку с подносами в руках. На одном подносе был чай, на другом – еда. Брент попытался вспомнить, как зовут его слуг, – и не смог. Но он все же поблагодарил мальчика, протянувшего ему высокую кружку со знаменитым средством от похмелья его конюха Мэтта.

Устыдившись, что слуги так хорошо осведомлены о жалком состоянии, в котором он пребывал, Брент сосредоточился на том, чтобы осушить кружку до дна. Когда он ее прикончил, слуги уже налили чашку крепкого чая и положили на тарелку еды. Такой еды, которая могла бы успокоить его раздраженный алкоголем желудок. Пока граф приходил в себя после

снадобья Мэтта, Олимпия подошла к мальчику, осторожно взяла за слегка запачканный подбородок, а другой рукой провела по щеке.

– Это новая отметина, – тихо проговорила она и пристально посмотрела ему в глаза. – Кто это сделал?

– Помощница кухарки Молли, – не колеблясь ответил мальчишка, подчинившись властному тону Олимпии. – Я хотел взять мыло, а Молли считает его своим. Но я ведь знаю: вам понравилось бы, если бы у того, кто приносит еду, были чистые руки… и все остальное.

– Подожди здесь, Томас, – распорядилась Олимпия и быстро вышла из комнаты.

Внутренний голос говорил ей, что это не ее дело, что она не в своем доме, а эти слуги не ее слуги. Все так и было, но Олимпия не замедлила своих шагов и все так же целенаправленно двигалась в сторону кухни. Никакой ребенок не заслуживал того, чтобы его били по щекам – да так, чтобы оставался след от пятерни. А ведь он всего лишь хотел вымыть руки и тем самым сделать приятное своему господину.

– Кто из вас Молли?! – громко спросила Олимпия, заходя на кухню и оглядывая трех женщин, работавших здесь.

– Это я, – ответила женщина у плиты, помешивавшая что-то в котле. – А вы-то кто такая?

Олимпии показалось, что Молли была несколько старовата для помощницы кухарки. И, судя по всему, она слишком часто пробовала блюда, которые готовила. Надменный тон служанки стал для Олимпии полным сюрпризом. Молли держалась как высокородная дама. Значит, либо все любовницы Маллама принадлежали к высшему обществу, либо Молли была настолько уверена в своем положении в доме, что могла позволить себе держаться столь вызывающе.

– Я леди Уорлок, баронесса Миртлдаунс. И я хочу поговорить о вашем обращении с мистером Томасом Пеппером. – Олимпия подошла вплотную к женщине.

– Подумаешь!.. Грязный щенок, – пробормотала Молли и вытерла руки о засаленный фартук.

– Итак, вы считаете мальчика грязным, а сами запрещаете ему пользоваться мылом и даже наказываете за то, что он хотел умыться?

– Он схватился своими грязными руками за мое мыло!

– Я полагаю, люди хватаются за мыло только потому, что у них грязные руки. – Олимпия не стала обращать внимание на издевательские смешки двух других служанок. Пытаясь не давать воли своему гневу, она добавила: – И наверняка любой кусок мыла в этом доме принадлежит не вам одной. У вас нет права бить ребенка.

– У меня есть все права! Я несу за него ответственность. А вот ты кто такая, чтобы указывать мне, как себя вести? Очередная хозяйская шлюха, держу пари. Да-да, именно поэтому ты приперлась сюда и защищаешь сосунка! А он всего-навсего ублюдок старого хозяина от дочери конюха. И нечего тебе баловать его.

– Полагаю, будет лучше, если вы замолчите. – Олимпия понимала: еще одно слово, сказанное этой женщиной, и она не выдержит и схватится с ней всерьез.

– Ты так полагаешь, да? Ха, Томас! – Молли сплюнула. – Какое пышное имя для мальчишки, рожденного во грехе! Он должен был умереть вместе со своей матерью и присоединиться к ней в аду. И мне весьма сомнительно, что ты намного лучше ее. Потому что ни одна настоящая леди не переступит порог этого дома. Почему бы тебе не лечь на спину и не раздвинуть ноги перед нашим любителем потаскух? Быстренько сделай дело, ради которого пришла, и убирайся отсюда! Ты пачкаешь дом своим присутствием! Да-да! Кстати, можешь захватить с собой незаконнорожденного Томаса, если тебя волнует, как тут с ним обходятся.

Олимпия со всего размаху влепила служанке пощечину, отбросив ее к плите. И она совсем не удивилась, когда Молли, выкрикивая ругательства и оскорбления, стремительно

кинулась на нее. Эта женщина всем своим видом демонстрировала, что у Олимпии не было перед ней никаких преимуществ. «Стыд какой», – подумала баронесса, но приготовилась защищаться со знанием дела.

* * *

Когда дверь за Олимпией закрылась, Брент, нахмурившись, медленно поднялся на ноги.

– Куда это она? – спросил он.

– Я думаю, на кухню. Чтобы поговорить с Молли, помощницей кухарки, – высказал предположение мальчуган.

И тут Брент обратил внимание на ярко-красный след от ладони на щеке Томаса. Судя по всему, Молли сильно ударила мальчика за какой-то незначительный проступок. Такое поведение Брент не мог допустить в своем доме. Он направился к двери, решив поговорить с Молли. И еще он подумал, что леди Уорлок слишком много на себя берет, вмешиваясь в отношения между его слугами.

Едва граф вышел в холл, как до него снизу, из кухни, донеслись женские крики. Брент шагал вниз по лестнице, потом резко остановился. На полу, распластавшись, лежал Уилкинз. Рядом с его телом возвышался крепкий на вид мужчина.

– Что с ним случилось? – удивился Брент.

– Он попытался не пустить в дом леди Олимпию, – объяснил мужчина.

Не успел Брент спросить, что незнакомец имел в виду, как из кухни донесся новый взрыв криков. Всерьез забеспокоившись, граф помчался на крики, забыв предупредить топавших у него за спиной Томаса и служанку, чтобы не следовали за ним. Ворвавшись в кухню, Брент увидел, как одна из его служанок кидается на Олимпию. Он уже собрался броситься ей на помощь, как вдруг сообразил, что его помощь не требовалась, так как дама защищалась с завидным умением.

Был большой соблазн постоять в стороне и понаблюдать, как леди Олимпия – баронесса! – дралась с кухонной прислугой, но Брент все же решил остановить их. Единственной проблемой оказалось то, что он не знал, как это сделать, – ему еще ни разу не приходилось разнимать разъяренных женщин. Когда же Брент сделал шаг в их сторону, резкий рывок за фалду сюртука остановил его. Обернувшись, он увидел Томаса.

– Я бы подождал, милорд, – сказал мальчик.

– Но мне не хочется, чтобы леди Олимпия пострадала! – возмутился граф.

Томас фыркнул:

– Она хорошо держится. И можно не беспокоиться: старушка Молли скоро выдохнется.

Брент подумал, что это чистейший абсурд – слушать советы мальчишки, который чистил ему обувь, но тут Олимпия ловко прижала толстую Молли спиной к стене. И столько злобы и ненависти было в побагровевшем лице служанки… Как же могла эта женщина работать у него, если испытывала такую ненависть к тем, кого обслуживала?

– Вы сколько угодно можете дерзить, моя дорогая, – сказала Олимпия, – но я вообще-то баронесса. И напоминаю вам: нападение на представительницу аристократии влечет за собой серьезное наказание. – Она утвердительно покивала головой, увидев, как Молли побледнела. – Тем не менее я забуду об этой отвратительной стычке, если вы извинитесь перед юным Томасом. – И Олимпия указала на стоявшего рядом с Филдгейтом мальчика, с лица которого не сходила улыбка. – Он уже здесь. Значит, нет нужды откладывать это дело в долгий ящик.

Тут Молли увидела графа, и глаза ее чуть не вылезли из орбит, а лицо сделалось землистого цвета. Однако Брент казался скорее смущенным, чем разгневанным, поэтому Олим-

пия не могла понять, чего так испугалась Молли. Баронесса уже приготовилась спросить, не боялась ли Молли дворецкого, даже хотела заверить ее, что дворецкий скоро перестанет быть проблемой, – но тут служанка вдруг заявила:

– Я не буду извиняться перед незаконнорожденным щенком! Я сделала то, что должна была сделать. Потому что предупреждала, чтобы он не трогал мои вещи.

Отступив на шаг, Олимпия гневно посмотрела на женщину.

– У вас не было нужды бить его так сильно. У него на лице до сих пор красный след.

Молли расправила юбки.

– Я не нуждаюсь в ваших поучениях. Я сама знаю, как обращаться с мальчишкой. А если кто-то считает, что я плохо с ним обращаюсь, то пусть говорит с тем единственным человеком, который имеет право мне указывать.

Вспомнив рассказ Молли о происхождении Томаса, Олимпия почувствовала, что перегнула палку. Она сделала шаг к служанке, но та резво отскочила от нее на безопасное расстояние – причем отскочила с прытью, прямо-таки удивительной для женщины такой комплекции.

– И это право принадлежит брату щенка – вам, милорд! – добавила вдруг Молли.

Олимпия уставилась на нее, страстно желая содрать с ее лица издевательскую ухмылку. Брент же побледнел, а вот для юного Томаса в этом, вероятно, не было никакой новости, потому что он наблюдал за графом со смесью напускной храбрости и печали. Олимпия почему-то решила, что мальчик ждал, когда Филдгейт схватит его за ворот и выкинет из дома.

– Что вы сказали? – отрывисто спросил Брент.

– Я сказала, что вы единственный человек, который может решать, как обходиться с вашим братом. – Молли кивнула в сторону Томаса. – Вот он стоит перед вами! Тот самый, рожденный вскоре после смерти старого лорда!

Брент внимательно посмотрел на Томаса и постепенно стал различать фамильные черты в облике мальчика. У него были глаза Малламов и почти такая же форма носа, как у Малламов.

– Это правда? – спросил он у мальчика.

– Правда, – кивнул Томас.

– В моих владениях есть еще кто-нибудь, кто знает то, чего не знаю я?

– Больше никого нет. В доме, во всяком случае.

Повернувшись к Молли, граф спросил:

– И вам никогда не приходило в голову поставить меня в известность, что мой младший брат чистит мне сапоги?

– Он ведь незаконнорожденный, а нам всем известно, как господа относятся к таким, – ответила Молли.

– Все, можете идти.

– Что?..

– Я сказал вам, Молли, чтобы вы покинули мой дом. Не помню, чтобы я нанимал вас. Поэтому я указываю вам на дверь. Идите.

– Вы выгоняете меня за то, что я сказала правду?

– Нет, за то, что вы не сказали мне правду с самого начала. И еще за то, что вы, похоже, работали здесь вовсе не на меня.

Брент направился к выходу, потом остановился и, обернувшись, добавил:

– Можете забрать свои вещи, но не вздумайте прихватить с собой что-нибудь сверх того. Да, и вот еще что… Мне хотелось бы, чтобы вы немного подождали за порогом, после того как соберетесь и покинете дом. Я думаю, что вам составят компанию еще несколько человек, которые лишатся здесь работы. Это не займет много времени. – Брент повернулся к Томасу. – Теперь вернемся в библиотеку?

Олимпия дождалась, когда они ушли, потом повернулась к Молли.

– Это какая-то глупость. Зачем нужно было держать в тайне происхождение Томаса?

– Так нам приказала леди Маллам.

– Леди Маллам здесь не хозяйка.

Расхохотавшись, Молли разорвала на себе фартук и швырнула на пол.

– Разве? Неужели вы всерьез думаете, что здесь всем заправляет слезливый пьяный дурак?

Служанка кинулась к двери, а Олимпия, поглядев ей вслед, сокрушенно покачала головой. Судя по всему, каждый шаг Бранта полностью контролировался его матерью. А если вспомнить, что он щедро поддерживал мать деньгами, а также учесть то печальное состояние, в котором он постоянно пребывал, – о, тогда не было ничего удивительного в том, что леди Маллам не спускала с него глаз. Но дело было не только в ее желании держать сына в узде. Жадность настолько овладела ею, что она решила продать свою дочь старому извращенцу.

Олимпия сделала глубокий вдох, развернулась и отправилась обратно в библиотеку. Она обещала помочь Агате – и сделает это! Но она очень надеялась, что ей не придется слишком уж глубоко погружаться в проблемы семьи Маллам.

– Вы еще здесь, миледи? – удивился Брент, когда баронесса вошла в библиотеку.

– Теперь я могу поговорить с вами о том, ради чего приехала. – Судя по виду, граф был близок к тому, чтобы указать ей на дверь.

– И о чем именно?

– О том, что ваша сестра безуспешно пыталась несколько раз связаться с вами. Она сильно напугана, потому что леди Маллам вот-вот продаст ее, выдав замуж за лорда Хораса Миндена.

Глава 3

Брент в изумлении уставился на Олимпию. Он открыл рот, но, так и не придумав, что сказать, закрыл его, после чего в изнеможении рухнул на канапе и посмотрел на графин с бренди.

– Это вам не поможет, милорд. – Олимпия перестала расхаживать по комнате, остановившись перед огромным камином. – Вам это ни к чему.

– Разве? – Брент вздохнул. – Я только-только пришел в себя, а тут объявились вы. И теперь мой дворецкий трупом лежит на полу в холле, вы учинили драку со служанкой, которую пришлось уволить, и еще я узнал, что парнишка, который чистит мне сапоги, мой самый настоящий брат. – Он взглянул на Томаса, и тот ответил ему улыбкой до ушей. – Вдобавок вы рассказали, что мать пытается продать мою сестру – невинное дитя! – самому гнусному развратнику из всей нашей аристократии. Выпивка была бы сейчас весьма кстати…

– Я очень сомневаюсь в том, что Минден самый гнусный развратник, – пробормотала Олимпия, прислонившись к стене рядом с камином.

Она тут же оцепенела, потому что перед ее мысленным взором замелькали картинки: вот белокурая женщина прижалась спиной к стене, а Брент яростно занимается с ней любовью, и глаза его закрыты. А вот еще одна полуголая женщина; она стоит у него за спиной и гладит ладонями по всему телу. Олимпия быстро отошла от стены.

– О, мужчины! – Отвращение отчетливо прозвучало в ее голосе. – У стены?.. Прижав ее к стене, да, Филдгейт? – Она вздрогнула, осознав, что отвращение отчасти было вызвано острым приступом злой ревности, поразившей ее в самое сердце. – Две сразу, да, Филдгейт?

Смутившись, Брент захлопал глазами. Потом вспомнил, каким даром якобы обладала Олимпия, и чуть не выругался вслух. Причина его смущения заключалась в том, что он почти ничего не помнил из того, что ей, очевидно, привиделось. Олимпия, судя по всему, знала о том эпизоде намного больше, чем он, и это обстоятельство само по себе было унизительным.

– Может, вернемся к моей сестре? – спросил Брент и указал ей на кресло.

Олимпия с опаской осмотрела кресло, прежде чем занять его. Ей больше не хотелось становиться невольной свидетельницей разнузданного поведения Брента. Осторожно присев на краешек, она с облегчением вздохнула – в голове не возникло непристойных картинок.

– Две недели назад я виделась с вашей сестрой Агатой, когда она приехала в Уоррен, чтобы попытаться найти Редмана. Она приехала одна, поэтому я сразу поняла: назревает что-то нехорошее. Мне потребовалось потрудиться, чтобы вытянуть из нее всю историю. – Олимпия налила себе чаю. – Как я уже сказала, ваша мать торгуется с лордом Хорасом Минденом, намереваясь выдать Агату за него. Ваша сестра в ужасе от того, что сделку скоро завершат и ее насильно выдадут замуж за этого человека. Это само по себе отвратительно, когда молодую девушку отдают в жены старику, но он ведь еще и… – Олимпия попыталась подыскать слово, достаточно выразительное, чтобы описать сэра Хораса.

– Свинья, – подсказал Брент и запустил пятерню в волосы. – Мы с ним не очень хорошо знакомы, но мне о нем известно достаточно, чтобы понять тех родителей, которые ни под каким видом не отдадут за него своих дочерей.

– Боюсь, ваша мать пойдет на это.

– Это все из-за денег. Я выплачиваю ей исключительно щедрое содержание, но она всегда была жадной, всегда стремилась заполучить как можно больше.

– А я сомневаюсь, что сделка между вашей драгоценной матерью и Минденом касается только платы за жертвенную девственность.

Брент болезненно поморщился, услышав такие слова о своей сестре, но вынужден был признать, что слова эти близки к истине. Агата делала лишь самые первые шаги в мире жен-

ственности, и так уж сложилось издавна, что девушек могли выдавать замуж в весьма юном возрасте – такова была традиция. Правда, в последнее время традиция эта стала меняться. Однако браки среди аристократии заключались без оглядки на любовь и на романтические чувства, даже физическая совместимость не принималась во внимание. Но выдать замуж девочку, только что выпорхнувшую из учебных классов, за старого развратника, годившегося ей в деды… Большинство его сверстников отнеслись бы к этому с явным неодобрением. К тому же нельзя было сказать, что Миндену требовалась молодая жена, чтобы родить наследника. У него уже имелось их несколько.

– Судя по всему, мать не интересует мнение общества, – заметил граф.

– Ни в малейшей степени. – Олимпия доела кусок слоеного пирога, раздумывая над тем, что ей рассказала Агата. – Мне кажется, ваша матушка рассчитывает на помощь Миндена в какой-то коммерческой авантюре. Агата утверждала, что большая часть из того, что она услышала, напоминало ей торговые переговоры, а не договор о помолвке. В принципе разница небольшая, но все-таки…

– Любые дела с участием Миндена – это грязные дела. – Брент тихо выругался, и Олимпия, пившая чай, выразительно приподняла тонкую черную бровь. – Но, как я узнал на собственном опыте, для моей матери деньги не пахнут.

В каждом его слове сквозила горечь, и Олимпии стало интересно, продолжал ли он скорбеть о своей потерянной любви. Впрочем, едва ли… Брент не виделся с Фейт в течение года до того, как узнал, что его мать продала девушку в бордель, где ее и убили. И после этого прошло уже два года. Конечно, скорбь могла бы проявиться долгое время спустя, однако граф не производил впечатления человека, цеплявшегося за горестные переживания, как какой-нибудь унылый поэт. Нет-нет, что-то другое заставляло его испытывать горечь и гнев, но сейчас было не время об этом думать – ведь Агате срочно требовалась помощь.

– А можно просто взять и отказаться одобрить этот договор? – Олимпия нахмурилась, увидев, что граф слегка опешил. – Вы же глава семьи, разве не так?

– Все так. Однако… Как бы это сказать?.. Мою власть сильно урезали, прежде всего в отношении того, что касается Агаты.

– Как такое могло случиться? Закон всегда отдает мужчине главенствующее право.

– Я так понимаю, что в ход пошли крупные взятки. Возможно – и небольшой шантаж. Плюс мое не самое безукоризненное поведение в течение нескольких лет. Мать потребовала для себя полного контроля над Агатой и получила его. Только я начал думать над тем, как вывести сестру из-под ее влияния, как у меня в одночасье отобрали возможность сделать хоть что-нибудь. Как будто мать знала заранее о моих планах…

– Вероятно, так и было. Не сомневаюсь, что ваш дворецкий ее человек. Я начала подозревать, что здесь что-то не так, когда узнала, что вы не откликнулись на призывы Агаты о помощи. Мои письма также остались без ответа, что весьма меня удивило. Каким бы гулякой вас ни считали, вы всегда мне казались человеком вежливым. Когда же ваш дворецкий отказался меня впустить…

– Так это вы отправили Уилкинза в нокдаун?

– Я поняла, что мои подозрения оправданны.

– Ах, так вот что произошло… – Брент засмеялся, а Томас тихонько захихикал. – Может, поговорим с Уилкинзом?

– Считаю, что это прекрасная идея.

– У меня их несметное количество, – пробормотал граф.

Проигнорировав его замечание, Олимпия спросила:

– Будем говорить здесь или в холле?

– Я скажу вашему слуге, чтобы притащил его сюда и пристроил на стуле.

Она посмотрела вслед Бренту, шедшему к двери. Для того, кто большую часть своего времени проводил в обнимку с бутылкой или с женщиной, у него все еще сохранялась прекрасная фигура. В походке чувствовалась хищная грация, а длинные ноги были крепкими и мускулистыми. Чтобы держать себя в подобной форме, требовалось отдавать этому много времени в перерывах между пьянками.

Олимпия почувствовала, что ее бросило в жар, и насупилась. Для нее не было смысла в подобных размышлениях. Ведь она не какая-нибудь классная мисс, не имевшая опыта общения с мужчинами. Прошло то время, когда пары серых глаз на красивом лице было достаточно, чтобы ее сердце учащенно забилось. Тут Пол втащил в комнату едва стоявшего на ногах Уилкинза, и Олимпия сосредоточила свое внимание на вошедших – выдавать смущение в присутствии графа было бы глупо и неразумно.

Уилкинз наконец занял место на стуле – и тут же покрылся испариной. Но куда же делась вся его наглость?.. Олимпия посмотрела на Брента, возвышавшегося над Уилкинзом, и тотчас сообразила, в чем причина нервозности дворецкого. В этот момент Брент предстал как истинный граф Филдгейт – причем разгневанный граф. Да и кому понравятся шпионы в собственном доме? Слежка матери, от которой граф отказался, хотя и продолжал щедро снабжать деньгами, – это, должно быть, ужасно его возмущало.

– Мне сказали, что моя младшая сестра Агата, у которой возникли кое-какие проблемы, пыталась несколько раз связаться со мной, однако я не видел ни одного письма от нее в течение нескольких недель, – начал Брент. – А баронесса, – кивнул он в сторону Олимпии, – почти две недели писала мне по тому же поводу. И опять ничего. Почему?

– Милорд, у вас было недомогание. – Уилкинз неожиданно сгорбился, словно хотел уменьшиться в размерах под взглядом потемневших от гнева глаз Брента.

– Не надо перекладывать вину на меня. Я, конечно, могу напиваться, но не до такой же степени, чтобы забыть про отчаянные письма от моей сестры. И я, несмотря ни на что, веду дела, чтобы все мы были сыты и одеты. Так что, полагаю, я всегда в состоянии прочитать письма от сестры или от баронессы. Почему я не видел их? Почему мне о них не доложили, Уилкинз?

Дворецкий с дрожью в голосе проговорил:

– Ее светлость предупредила меня, что ваша сестра по-детски неразумно относится к переговорам о браке. И она сказала, что вас ни в коем случае нельзя беспокоить сообщениями об этом.

– Как меня может не беспокоить сообщение о том, что мать собирается насильно выдать мою сестру – девочку, которой едва исполнилось шестнадцать! – за пожилого человека, известного своей развратностью и хамством, за человека, которого давно перестали пускать в приличные дома? Ведь он не лучше какого-нибудь дикаря из лондонских доков!

– Ее светлость предупредила, что вам не нравится человек, которого она выбрала для леди Агаты.

– Естественно… Значит, вы не только лишили меня права читать мою собственную корреспонденцию, но и обсуждали это дело с моей матерью? Так вы подчиняетесь ей, а не мне? Тогда вам нужно перейти на службу к ней.

– Но, милорд…

– Нет, Уилкинз! Ни слова больше. Мои люди должны быть преданы мне, а вы отдали свою преданность моей матери. А теперь, перед тем как вы отправитесь к той, на кого реально работали, я хочу услышать от вас имена других людей, живущих в этом доме, но состоящих на службе у моей матери. – Дворецкий не проронил ни слова, и Брент пожал плечами. – Что ж, думаю, я и без вашей помощи узнаю, кто в моем штате работает на мать. – Он взглянул на чистильщика сапог, своего брата. – Не будешь ли так любезен, Томас, проводить

Уилкинза в его комнату? И необходимо проследить, чтобы он забрал только принадлежащие ему вещи, когда будет покидать наш дом.

Уилкинз вскочил и оглянулся на Пола.

– Вы отправляете его следить за мной? Но ведь я дворецкий, а он – всего лишь чистильщик сапог… и незаконнорожденный в придачу.

Скрестив руки на груди, граф пристально посмотрел на Уилкинза.

– Может, стоит напомнить, что вы больше не дворецкий в моем особняке? Вы не обратили внимания на то, что я только что уволил вас? Мне, кстати, очень любопытно: давно ли вы узнали правду о юном Томасе?

– С самого начала, милорд. Ее светлость весьма ясно дала понять всем нам, что никто не должен говорить об этом. В особенности – с вами. Этот стыд она предпочитала хранить в тайне.

Брент нахмурился и проворчал:

– Может, есть и другие тайны?

– Я расскажу вам об этом, милорд, – вмешался Томас. – Не стоит обсуждать такие дела с этим недоумком.

– Следи за своими словами, парень! – взвился Уилкинз.

– Вон отсюда! – закричал Брент. – Возьмите свои вещи и убирайтесь! Немедленно!

Покосившись на Томаса, Уилкинз с явной неохотой подчинился. А следом за ним двинулся Пол – на всякий случай, чтобы дворецкий не выкинул какой-нибудь номер. Граф же подошел к окну и оглядел дурно ухоженные цветники.

– Мне кажется, я напрасно плачу жалованье садовнику, – пробормотал он. – Когда я узнаю, чем он на самом деле занимается вместо того, чтобы ухаживать за цветами, отошлю вслед за Уилкинзом к моей мамаше.

Олимпия понимала: слова о запущенном цветнике вовсе не являлись ловкой сменой темы, как можно было бы подумать. Он даже не очень досадовал на мать, командовавшую его слугами. Просто Брент был… потрясен. Олимпия «считывала» следы острых переживаний, которые мучили его, – они словно облако висели над тем местом, где он стоял. До него постепенно доходила правда, на которую он, как умный человек, не мог закрыть глаза. И ему было ясно: если ничего не делать, то мать никогда не выпустит его из своих когтей и будет постоянно следить за ним.

Не зная, как поступить, Олимпия подошла к нему поближе. Ее раздирали противоречивые чувства – хотелось успокоить его и одновременно потребовать, чтобы он поторопился и сделал хоть что-нибудь, чтобы помочь сестре. Но как же заставить его действовать?

Олимпия молча рассматривала запущенные цветники, отмечая следы изначально элегантного оформления. В конце концов она пришла к выводу, что состояние усадьбы совершенно не волновало леди Маллам. Это ведь не помогало набивать сундуки, не так ли? Олимпия даже предположила, что очевидное запустение в поместье сына, вероятно, могло доставлять ей какое-то извращенное удовольствие.

Молчание затягивалось, и Олимпия наконец проговорила:

– Я думаю, моя семья сумеет помочь вам подыскать верных и трудолюбивых слуг вместо тех, которых удалось подкупить вашей матери.

– А почему ваша семья так заботится обо мне? – Брент привалился к раме огромного окна и внимательно посмотрел на баронессу.

– Вы с Эштоном близкие друзья, а он теперь из нашего клана Уорлоков.

Как ни странно, но слова гостьи тронули графа. С ним уже давно так не говорили. И он был сам в этом виноват. Из-за своего образа жизни он потерял связь со всеми друзьями. Эштон женился, а другие не пожелали с ним знаться, когда он начал погружаться в пьян-

ство. Корделл, Уитни и Виктор постоянно разъезжали между своими поместьями, закатывая грандиозные приемы. Ни на один из них Брента не пригласили.

Граф внезапно нахмурился, хотя не вполне понимал, что именно вызвало у него досаду. Но было что-то неправильное в том, что помощь и поддержку он мог получить только от едва знакомой ему молодой женщины. И в том, что рядом с ним больше никого не оказалось, виноват был не он один – пусть даже он отвратительно вел себя в последние два-три года.

– Очень благодарен вам, миледи, но это мои заботы, и я сам справлюсь с ними.

– Мне кажется, у вас все прекрасно получится, милорд, но дело не только в новом штате слуг.

– Тот факт, что Агата отчаянно нуждается в моей помощи, не ускользнул от моего внимания.

Олимпия решила, что надо отступить и какое-то время помолчать. Человек был в гневе, и она понимала: стоит ей что-нибудь сказать или сделать – и Брент выплеснет свой гнев на нее. Ведь именно она, Олимпия, принесла дурные вести.

Тут вдруг Брент тихо выругался и принялся мерить шагами комнату. Проклятие! За несколько последних лет от его жизни остались одни руины, а он так долго не хотел это признавать. А ведь все могло сложиться по-другому… И тогда он не мучился бы над тем, как помочь Агате. Она жила бы в его доме и была бы в полной безопасности.

– Надо что-то делать с этой женщиной, – произнес он в задумчивости.

– Что, например? Ведь она ваша мать, графиня. Вы даже не можете пригрозить, что оставите ее без гроша. Полагаю, у нее есть собственный капитал, не так ли?

– Есть кое-что, но не очень много. Это ее вдовья часть наследства. Когда она вышла за моего отца, ей удалось получить доступ ко всему его имуществу и проявить свое умение управлять финансами. Отец тогда радовался, что женился именно на ней. Мать вела хозяйственные дела в поместьях, добиваясь впечатляющей прибыли, несмотря на распутный образ жизни отца. А затем, вскоре после его смерти, доходы уменьшились, поэтому мне пришлось поучаствовать в кое-каких инвестициях вместе с моими друзьями.

– То есть когда не стало контроля со стороны вашего отца или, возможно, когда все земли по наследству перешли к вам, она уже не была столь аккуратна с деньгами, верно?

– Вы полагаете, что мать обманывала меня?

– Конечно.

Брент вздохнул:

– Вполне возможно. Я стал единственным, кто отвечал за поместья, а она имела лишь то, что я посылал на содержание дома. Впрочем, у меня постоянно возникали проблемы с получением отчетов по всем поместьям, кроме вот этого. Здесь родовое гнездо графов Филдгейтов, поэтому они с управляющим, которого нанял еще мой отец, не могли скрыть от меня отчеты.

Олимпии пришлось прикусить язык, чтобы не спросить графа, почему он не ударил по жадным рукам, тянувшимся ко всему, чем он владел. Но Брент, очевидно, смирился с тем, что мать не только продала женщину, которую он любил, но вдобавок с самого начала обворовывала его, наживаясь на собственности, переданной ему в наследство. Увы, он вынужден был наблюдать, как его матушка, хладнокровная и бессердечная, вытворяла вещи совершенно недопустимые. Вероятно, он понимал, что должен вырвать младшую сестру из-под влияния матери, однако, как решила Олимпия, пьянство помогло ему забыть полную жестокости правду.

– Во всем этом очень много противоречивого, – тихо сказал Брент. – Очень много…

– Похоже, она довольно долго пила вашу кровь.

– Я думаю, она начала это делать еще до смерти моего отца. Такая мысль и раньше приходила мне в голову, но сейчас я уверен: мои слуги на самом деле были ее людьми, а не моими.

– Очень умно… – пробормотала Олимпия. – Наверняка она перетянула их на свою сторону еще несколько лет назад.

– Вы знаете, я сразу должен был это понять – еще тогда, когда обратил внимание на то, что некоторые записи в бухгалтерских книгах неправильные. Вероятно, деньги от доходов выводились на сторону в течение долгих лет. Однако, несмотря на то что мать сделала с Фейт, я не мог принять для себя как факт, что она обворовывала меня и остальных своих детей, которым отец раздал собственность в качестве наследства.

То, что она сделала с Фейт, еще как-то можно было объяснить. Но нельзя ни объяснить, ни простить того, что она обворовывала собственных детей.

– И тут мы снова возвращаемся к главному вопросу. Почему ваша мать продает Агату барону?

– Из-за денег, конечно. Из-за больших денег, я думаю. Зачем утруждать себя воровством по зернышку, когда можно сразу получить кучу денег, продав собственного ребенка? У меня возникла жуткая мысль, что она проделала то же самое с моими старшими сестрами, несомненно – при полном одобрении отца. Он тоже любил деньги, которых ему всегда не хватало… Хотя в остальном отец мало считался с желаниями матери.

– Ваши сестры несчастны в браке?

– И уже давно. Когда я был моложе, предпринял попытку кулаками вбить в их мужей представление о том, что надо быть верными и заботливыми, но из этого ничего не получилось. Мужья оправились и принялись за старое. А Мэри и Элис попросили меня больше не вмешиваться. С того времени обеим стало еще хуже.

– Вот ради меня вам не пришлось бы вмешиваться. Я бы таких мужей сама прибила и закопала, не успели бы возмутиться! – Олимпия улыбнулась в ответ на его смех. – В моей шутке только доля шутки. Вы ведь понимаете?

– О, я действительно понимаю вас.

– Существует же какой-то способ вытащить Агату из этой грязи. Она очаровательный ребенок, и я без содрогания не могу представить, как мерзкий Минден лапает ее.

– Вы очень добры, что так переживаете из-за моей сестры, но теперь мне известно о ее проблемах и я сам во всем разберусь. – Бренту показалось, что его заявление прозвучало довольно самонадеянно, поэтому он добавил: – Моя обязанность – заняться этим делом.

– Я пообещала ей помочь, поэтому тоже обязана поучаствовать в решении проблемы.

– Я уверен: Агата знает, что вы сделали все от вас зависящее. Мысль о том, что моя сестра всерьез рассчитывает на ваше участие в нашем семейном деле, просто абсурдна. – Едва сказав эти слова, Брент понял, что совершил грубейшую ошибку.

Глава 4

– Абсурд?.. Это вы про меня так говорите?

Готовый отступить под напором женщины в гневе, Брент почувствовал гордость за себя, когда все-таки устоял и не сдвинулся с места. По его мнению, мало кто из мужчин смог бы выдержать взгляд леди Олимпии. Да, конечно, она взяла на себя труд сообщить ему о той опасности, которая угрожала Агате, но все же он не мог позволить ей еще глубже погрузиться в это дело. Ведь его мать – женщина опасная.

– Вы не так поняли, – сказал граф. – Я имел в виду, что ваше желание вместе со мной вызволять Агату выглядит абсурдно.

Леди Олимпия поджала губы и сдвинула брови. Брент же сообразил, что его объяснение никуда не годилось. И все только усложнилось, когда она спросила:

– Разве не я доставила вам вести от вашей сестры?

– Конечно, вы, миледи. Однако теперь настала моя очередь помочь Агате. Это мой долг! Ведь я глава семьи.

– Но ваша мать обладает властью и даже имеет право опекать Агату. Вы хоть знаете, с кем она договорилась о том, чтобы оставить за собой такое право? Будут ли они обсуждать с вами эту тему? Я больше чем уверена: добиваясь их согласия распоряжаться жизнью и будущим Агаты, ваша мать сначала убедилась в том, что эти люди поверят всем чудовищным небылицам, которые она рассказала им о вас.

Брент скрестил руки на груди. Что ему по-настоящему хотелось сделать в данную минуту, так это ударить, ударить по чему-нибудь – и чтобы разбить костяшки пальцев до крови. Все, что говорила Олимпия, было правдой. Да, он, конечно, граф, но мать подкапывалась под его власть годами, с той самой минуты, как скончался отец. Впрочем, эта женщина когда-то с таким же успехом подкапывалась и под власть отца. Летиция Маллам всю жизнь возмущалась, что мужчины, которые ни на что не годятся – начиная с ее собственного отца! – властвуют в мире. Ей потребовались годы и годы на то, чтобы сосредоточить чудовищную власть в своих руках. И отобрать у нее хотя бы часть этой власти будет ой как нелегко.

Брент ничего не имел против сильных женщин. Граф понимал, что одна из таких особ стояла сейчас прямо перед ним, и находил ее не только сильной, но и весьма привлекательной. Сила же Олимпии заключалась в уме, уверенности в себе и в добром сердце – последнее она изо всех сил старалась скрыть, – а вот сила его матери заключалась в коварстве, потому что, владея чужими секретами, она использовала их, чтобы добиться желаемого. Вдобавок мать была хладнокровна и безжалостна и этим приводила окружающих в трепет. Увы, даже зная все это, он, Брент, не увидел опасности, которая грозила Фейт со стороны матери, и поэтому до сих пор мучился сознанием собственной вины – еще и из-за того, что пьянство и плотские утехи целиком захватили его в то время.

Отбросив мысли о матери, которые всегда вызывали у него чувство беспокойства и неловкости, Брент сосредоточил свое внимание на Олимпии. Она была ошеломляюще красива – прежде всего потому, что сама не осознавала этого. Ее блестящие черные волосы прекрасно контрастировали с белой чистой кожей и легким румянцем, а изящной лепке лица в форме сердечка позавидовал бы любой скульптор. Голубые же, обрамленные густыми ресницами и широко распахнутые глаза ярко сияли, и он даже предположил, что это сияние можно было различить издалека. Тонкие брови Олимпии вздымались высокими дугами, на подбородке намечалась маленькая ямочка, шея была изящной и длинной, а все тело казалось необычайно сильным и одновременно в высшей степени женственным – эти изящные линии невольно заставляли думать о долгих и полных наслаждения ночах. А руки у нее были очень красивые, с тонкими длинными пальцами, и еще – эти ее грациозные жесты…

И Брент ничуть не удивился, когда, глядя на нее, вдруг испытал приступ вожделения, что сейчас было абсолютно неуместно. Но вовсе не потому, что это принесло бы нежелательные осложнения, – просто леди Олимпия прекрасно знала, какую жизнь он вел в последнее время.

– Видите ли, миледи, – начал Брент, пытаясь сосредоточиться на том, чтобы подыскать правильные слова.

– О, ради бога! Давайте отбросим ненужные формальности. Мы ведь не на светском рауте. Я Олимпия. Зовите меня Олимпией.

– Не уверен, что это… правильно. Ведь мы с вами едва знакомы…

– Мы с вами знакомы дольше, чем многие другие. Но это только между нами, милорд. Мне прекрасно известно, насколько по-обывательски глупым может быть светское общество. Поэтому ни вам, ни мне не нужны лишние заботы, если вдруг пойдут слухи.

– Что ж, очень откровенно. – Граф кивнул и протянул ей руку для пожатия. – Тогда… пожалуйста, зовите меня Брентом.

Она пожала его руку и моментально пожалела об этом – тепло от соприкосновения перетекло вверх, к самому плечу. Такого ощущения Олимпия еще ни разу не испытывала. Если бы она была без перчаток – не было бы вопросов, тогда все было бы понятно. Но ведь рука сейчас была обтянута перчаткой…

«Возможно, – задумалась Олимпия, – лучше вообще от этого отказаться и не участвовать в делах юной Агаты». Но баронесса тут же отбросила эту мысль. Она ведь пообещала Агате помочь, и это обещание шло от чистого сердца, никто не тянул ее за язык. Так что поздно менять решение, хотя с графом Филдгейтом следовало держать дистанцию.

Олимпия осторожно высвободила руку из его ладони, чтобы избавиться от потока тепла, шедшего от него. Однако она не стала резко отдергивать руку – так, словно боялась заразиться моровой язвой. Но все равно это получилось неуклюже и страшно не понравилось ей самой. К ее облегчению, в комнату вошел Томас и прервал напряженное молчание.

– Мне кажется, у вас возникла еще одна проблема, милорд, – сказал он.

– Какая на этот раз? – спросил граф, незаметно отодвигаясь от Олимпии, но цепкий взгляд мальчика проследил за его движением.

– Никто не остался, чтобы служить вам. Кроме меня, Мэри и конюхов почти в полном составе.

– Меня бросили все слуги?

Томас кивнул:

– Сбежали как крысы с тонущего корабля. Мэри уже приготовила перекусить вам и ее светлости. Ей помогла служанка ее светлости. Вам подадут холодную закуску. Мэри только учится кухонным премудростям, а служанка ее светлости сказала, что нет времени готовить что-то более солидное. Я думаю, миссис Ходжес вернется через несколько дней. Клянусь, она служила только вам, никому больше. Графиня ей всегда очень не нравилась. Половина конюхов – незаконнорожденные дети старого графа, и почти все они тоже ее терпеть не могут.

Брент запустил пальцы в волосы и пробормотал:

– Значит, я лишился всех слуг в доме?

– Да, за исключением меня и Мэри.

– А кто такая Мэри?

– Моя тетка. Она не намного старше меня, но всегда заботилась обо мне. Мама умерла при моем рождении. Графиня приняла Мэри на работу в особняке, когда мне исполнилось то ли пять, то ли шесть лет. – Томас пожал плечами. – Мне кажется, графине хотелось, чтобы и Мэри присматривала за вами.

– А почему она не стала этого делать? У меня такое впечатление, что в моем доме все этим с готовностью занимались.

– Я же сказал, что Мэри – моя тетка. Поэтому она на моей стороне. А мы с вами братья в некотором роде, поэтому она и на вашей стороне.

– Уверена, что Мэри терпеть не может графиню, – сказала Олимпия.

Томас ухмыльнулся:

– Она ее ненавидит. – Он взглянул на графа. – Прошу прощения за откровенность, милорд.

– Прощение гарантировано.

Олимпия внимательно посмотрела на Брента, подошедшего к окну с видом на парк. Она не знала, что сказать ему в утешение. Ее родня долго страдала от последствий развала семьи, и все равно их переживания не шли ни в какое сравнение с тем, что сейчас мучило Брента. (Те, кто повернулся спиной к ней и другим членам ее клана, не были их кровными родственниками; лишенные дара, они по-настоящему не понимали даже своих детей, получивших этот дар от рождения.) И Олимпия не представляла, чем помочь графу, мать которого постоянно интриговала против него и, конечно же, не любила. Причина такого отношения заключалась, вероятно, в том, что ее глубоко уязвляло наличие титула у Брента. А может, раздражало и то, что он был сыном своего отца.

– Пожалуй, пойду-ка я посмотрю, не нужна ли Мэри помощь? – после долгой паузы объявила Олимпия.

Томас и Брент посмотрели на нее с удивлением, и мальчик сказал:

– Но ведь вы баронесса и вам не место на кухне.

– Именно на кухне баронессе самое место, если у нее разыгрался аппетит, – заявила Олимпия. – Обходить кухню стороной – это не для тех, кто всерьез относится к своему титулу. Кое-кто учится самостоятельно делать вещи, для которых другие нанимают слуг. Я оставляю вас вдвоем, чтобы вы прикинули, как выбираться из этой ситуации. Может, вы обнаружите еще какие-нибудь махинации леди Маллам.

Баронесса стремительно вышла из комнаты, а потом Брент услышал, как она позвала Пола, чтобы помог ей и Энид. Здоровенного слугу Пола Брент уже видел, а вот кто такая Энид? И вообще, сколько слуг Олимпия привезла с собой?

Не очень вежливый толчок локтем в бок снова привлек внимание графа к Томасу. И это была еще одна проблема, которую срочно требовалось решать. Теперь, когда появилось время, чтобы как следует рассмотреть мальчика, Брент отчетливо увидел черты фамильного сходства. Было совершенно очевидно, что Томас его сводный брат.

– Я должен поздороваться еще с какими-нибудь родственниками? – спросил наконец граф.

– Да, милорд, вы обязательно должны это сделать, – ответил Томас. – Их отправили работать на конюшню.

– Сколько их там?

– Сейчас четверо. Еще две недели назад было шестеро.

– А что случилось две недели назад?

– Тед и Питер ушли и не вернулись. Но мы, оставшиеся, уверены, что они не ушли, а их увели насильно. – Томас пошел к двери, жестом пригласив Брента следовать за ним. – Время от времени такое случалось – люди из поместий Малламов пропадали. Но мы подумать не могли, что это коснется кого-нибудь из нас. Ведь в нас течет кровь Малламов.

Брент схватил брата за руку и заставил остановиться. Его до глубины души поразил страх, промелькнувший на лице мальчика. Что ж, Томас очень скоро поймет, что он, Брент, не из тех, кто может жестоко с ним обойтись.

– Что это значит? Как так люди пропадают? – спросил граф.

Мальчик со вздохом пожал плечами:

– А так и пропадают. Как Тед и Питер. Сегодня люди тут работают, даже не заикаются о том, что собираются куда-то уйти, а назавтра исчезают. В деревне тоже так пропали несколько человек. Моя другая тетка, например. Правда, некоторые думают, что это ваших рук дело, милорд. Думают, что это вы забираете девушек и парней.

Выходит, его мать снова начала торговать людьми! Хотя она, наверное, никогда и не переставала заниматься этим. Молодые мужчины и женщины, а также девочки и мальчики на лондонском рынке человеческой плоти шли по хорошей цене. И мать в его поместьях выбирала себе жертвы… Пока он, Брент, с помощью выпивки и женщин старался забыть о своем гневе и о раскаянии, его люди страдали. А ему до этого не было никакого дела! От чувства вины, навалившегося на него, он совершенно обессилел и чуть не рухнул на колени.

– Вы не заболели, милорд? – забеспокоился Томас. – Если хотите, можно не ходить на конюшню, чтобы увидеться с парнями. Может, у ее светлости есть с собой какое-нибудь лекарство. Вы примете – и поправитесь.

– Нет. Мы идем на конюшню.

– Вы уверены?

– Уверен. Это нужно было сделать давным-давно.

Немного позже, когда они вошли в конюшню, Брент подумал, что переоценил свои силы. В конюшне граф увидел парней, и все они явно состояли в родстве с Малламами. Не так уж трудно было увидеть – и они подтвердили это! – что его отец приходился отцом им всем. Цвет глаз и волос, форма носа, а также рост и телосложение, – все говорило об их общей родословной. Странно, что он никогда не замечал этого, хотя столько раз заходил на конюшню… А ведь где-то находились еще двое…

Брент не помнил, как снова оказался в гостиной. Он немного пришел в себя, когда Томас, встревожившись, усадил его в кресло и предложил подать ему выпивку. Что было бы весьма кстати. Однако Брент понимал, что спиртное станет первым шагом на пути к полному беспамятству. Увы, желание выпить, чтобы забыть обо всем, что от него так долго скрывали – о том, что он не узнавал работавших на него своих сводных братьев, – было слишком настойчивым.

Но почему же его отец так бессердечно к ним относился? Сводные братья ни единым словом не упоминались в отцовском завещании, и он даже не представлял, как устроить их жизнь (это нужно было сделать еще несколько лет назад). Конечно, во многом была виновата и его мать, Летиция Маллам. Мать изначально была жестокой и эгоистичной, и вовсе не образ жизни его отца превратил ее в чудовище.

– Звонят к обеду, милорд, – заметил Томас.

– Что ж, пойдем отведаем то, что нам приготовила леди Уорлок, а все заботы оставим на потом.

– Может, я лучше пообедаю со всеми остальными? – сказал Томас, следуя за Брентом по пятам.

– Ты этого хочешь? Хочешь остаться слугой?

– Нет, милорд. Но все же моя жизнь намного лучше той, что у других ублюдков. Я-то по крайней мере сыт, и у меня есть крыша над головой большую часть времени. Леди Маллам нас ненавидит, но я за это на нее не в претензии. К тому же при желании можно даже заработать несколько монет на стороне.

– И это все, чего тебе хочется? И другим тоже?

– Да, более или менее. Мэри договорилась с викарием, чтобы он дал нам несколько уроков, поэтому мы все можем читать, писать и даже считать. – Мальчик усмехнулся. – Мэри молода и не вышла ростом, но у нее есть характер – это уж точно.

– Не сомневаюсь. – Брент задержался перед дверью в столовую. – Но у вас должно быть что-то еще. Ведь вы сыновья графа. Вы не можете быть просто слугами. Конечно, вам никогда не стать наследниками, но вы можете подняться повыше… Зачем вам всю жизнь чистить стойла?

– Не уверен, что нам уготовано что-то другое.

– Почему же? Ведь можно стать учителем, секретарем, пойти в коммерцию, выучиться на солиситора…

– На солиситора? Однажды я видел солиситора. Должно быть, выгодное занятие.

– Обсудим это, как только захочешь. А сейчас, – граф распахнул дверь, – надо поесть. С нашей стороны будет неприлично, если мы заставить даму есть в одиночестве, в особенности если она помогала готовить.

Олимпия взмахом руки отпустила Мэри и Энид, когда Брент и Томас вошли в столовую, и подождала, пока они первые подойдут к столу. Видно было, что шок у Брента начал проходить, – судя по всему, он уже почти смирился с суровой правдой, внезапно открывшейся ему. Манера графа обращаться с Томасом как с братом давала надежду на то, что он так же отнесется и к другим – тем, кого его родители попытались оттолкнуть от себя и забыть.

– Сразу после обеда нам нужно отправляться в Лондон, чтобы добраться до наступления темноты, – неожиданно сказала Олимпия.

Брент вздохнул:

– Да, знаю. Я только не знаю, где остановлюсь в городе. Все мои друзья в разъездах.

– У вас нет дома в Лондоне?

– Есть, только в нем живет мать. По завещанию отца она может использовать его как собственный до своей смерти. Но я не смогу жить с ней под одной крышей, хотя это был бы наилучший выход – из-за Агаты по крайней мере.

– И нет никакого маленького особнячка для любовниц?

– Надо же… Как вы хорошо разбираетесь в особенностях мужской натуры, – проворчал граф. – Да, особнячок есть. Но я не могу в нем остановиться, потому что там сейчас живут. Я намеревался какое-то время оставаться в поместье, поэтому решил сдать его, чтобы он не пустовал и приносил хоть какие-то деньги. Тем не менее есть кое-кто, у кого я смогу остановиться, хотя в результате можно будет оказаться повенчанным с чьей-нибудь дочкой, племянницей, кузиной – или с кем-то в этом роде.

– Можете остановиться в Уоррене. Дом стоит пустой, если не считать меня, и довольно большой. Плюс к тому вы остались без слуг, поэтому так сбережете время и деньги – не придется нанимать новый штат.

– Вы ведь знаете, что я не смогу воспользоваться вашим предложением, Олимпия. Это уничтожит вашу репутацию.

– Я из Уорлоков, Брент. Моя репутация, если таковая имеется, весьма сомнительна, и это в лучшем случае.

– Даже сомнительной лишитесь, если я поселюсь с вами под одной крышей.

По решительному тону графа Олимпия поняла, что лучше не спорить с ним на эту тему. Но ей все равно стоило позаботиться о жилье для него, так как у нее было стойкое ощущение: он еще столкнется с тем, что все двери будут закрываться перед его носом. Это станет еще одним ударом, от которого она не сможет его уберечь. Брент так давно погрузился в свои кутежи, что явно перестал прислушиваться к тому, что о нем говорили. Но Олимпия не верила, что он натворил больше, чем любой другой неженатый аристократ. И уж наверняка Брент не был виноват в том, о чем шептались по углам в гостиных и во что все искренне верили.

Покончив с едой, он тут же пошел собираться. Олимпия же осталась в обществе Томаса.

– Разве тебе нечего укладывать в дорогу? – поинтересовалась она.

– Кроме того, что на мне, у меня почти ничего нет. Мэри соберется за нас двоих. Его светлость сказал, что в городе мы с ней ему понадобимся. Он рассчитывает, что через несколько дней подыщет себе другое жилище.

– Тогда Мэри сможет остаться у меня.

– Спасибо, миледи. Но он прав, вы же понимаете…

– Ты о чем?..

– О том, что для вашего доброго имени будет плохо, если граф станет жить у вас. Когда одинокая леди пускает к себе жить мужчину, который вдобавок ей не брат, это никуда не годится.

– Может, ты и прав. Но мне двадцать шесть лет. В моем возрасте можно не беспокоиться о безупречной репутации. Кроме того, я вдова, а нам, вдовам, многое позволяется. Именно поэтому я не очень переживаю по поводу всех глупостей насчет «выхода в тираж» и тому подобного.

Томас нахмурился:

– Ваш муж заболел? Вы слишком молодая для вдовы.

– Я очень-очень рано вышла замуж. Муж умер вскоре после свадьбы. Об этом мало кто помнит. Однако мне частенько приходится напоминать это тем, кто начинает вести себя со мной так, словно я старая дева, которая нуждается в опеке. – Баронесса подмигнула мальчику. – Но я бы не сказала, что таких много.

Томас засмеялся, но тут же снова нахмурился:

– Вам, наверное, нужен мужчина, чтобы быть уверенной, что никакой негодяй не сможет покуситься на вас.

– О, у меня множество мужчин среди родственников. Большинство женщин даже мечтать о таком не могут. Так что мне стоит только бросить клич. Кое с кем из них ты еще познакомишься, потому что, мне кажется, нам потребуется помощь. Полагаю, еще многое может случиться, раз леди Летиция надумала продать свою дочь с наибольшей выгодой.

– Я тоже так думаю, миледи. Впереди неприятности, да? Я еще думаю, что граф будет тяжело переживать все это. Очень тяжело. Он понимает, что его мать дурной человек, но мне кажется, он пока не понимает насколько…

– Да, я согласна с тобой. И от всего сердца надеюсь, что самого плохого не произойдет, но, боюсь, проблема не сразу разрешится, так что его ждут тяжелые испытания.

– Я о нем позабочусь, миледи. И другие – тоже. Он ведь наш брат, пусть даже ему об этом раньше не говорили. Милорд хорошо с нами обращался, а братья должны присматривать друг за другом.

Олимпия кивнула и понадеялась, что Брент что-нибудь сделает для Томаса, – не оставаться же ему слугой до конца своих дней. В мальчике чувствовалась сила, и сердце у него было доброе. В его пользу говорило еще и то, что в душе его не было даже намека на злобу или чувство обиды на графа, получившего все, в то время как он, Томас, – ничего. Только за одно это мальчик должен был получить вознаграждение.

Прошло два часа, когда они наконец тронулись в путь. Удобно разместившись в своей карете, Олимпия облегченно вздохнула и сделала вид, что не замечает упорных взглядов своей горничной. Брент и Томас поехали в отдельном экипаже, предоставив Мэри путешествовать вместе с баронессой и Энид. «Он решил оберегать ее репутацию тоже», – с улыбкой подумала Олимпия. Такое стремление ей было хорошо знакомо. Мужчины в ее семье годами занимались этим – даже после той жуткой ночи тринадцать лет назад. Она уже давно пыталась убедить себя в том, что это была не их вина.

– Он ведь даже не догадывается, что про него говорят, – сказала Энид.

– Не догадывается, – согласилась Олимпия, бросив взгляд на Мэри. По выражению лица девушки стало понятно: какие-то слухи о графе до нее дошли. – Ты считаешь, что мне нужно рассказать ему об этом?

– Нет, я думаю, ему и без того хватило потрясений. Требуется небольшая передышка. Он сам все скоро узнает. Но вам нельзя оставлять его жить в Уоррене.

– Энид, кто здесь баронесса?

– Ой, только не начинайте!.. Вы же знаете, что я права. Если вы будете жить с ним под одной крышей, от вашей репутации ничего не останется до конца недели, а может, и раньше.

– Сомневаюсь, что у меня она вообще имеется. Я такая, какая есть. Плюс к тому я из Уорлоков, а репутация у нас не бог весть какая.

– Однако достаточно хорошая для того, чтобы вас приглашали на разные вечера в лучшие дома. – Энид подняла руку, останавливая заговорившую было хозяйку. – И не говорите, что вам все равно. Вы не трясетесь над своей репутацией, как другие благородные дамы, но случись что – вам станет очень неприятно. И я не поверю, если сейчас вы станете утверждать обратное.

– Что ж, ты права. Это зависит от того, кто толкнет. Может быть и больно. Но главное – больно будет членам моей семьи. Тем не менее граф вот-вот обнаружит, что все двери перед ним закрыты. И что ему тогда делать? Не может же он остаться на улице или поселиться на каком-нибудь постоялом дворе на то время, которое потребуется, чтобы решить вопрос с Агатой.

– Тогда нужно придумать что-нибудь сейчас, пока мы находимся в пути. Решение-то есть, его просто надо найти.

– Я вижу, у тебя поменялось к нему отношение.

– В известной степени. Мэри рассказала, что он никогда не подличал, хоть и напивался до чертиков… В нем есть… ощущение печали. И душевной боли. И он пытается отвлечь себя женщинами и утопить боль в вине. Глупый! – Энид сокрушенно покачала головой. – Никогда не понимала, почему мужчины думают, что это им поможет.

– Это помогает забыться и на время облегчить страдания. Иногда этого вполне достаточно. Если все, что рассказала Пенелопа, правда, тогда он страдает еще и от ощущения собственной вины. Временами я чувствую это. Боюсь, что проблемы с Агатой плюс новость о том, что незаконные сыновья его отца слуги у него в доме, лишь добавили переживаний. А теперь он столкнется лицом к лицу и с последствиями того, как пытался заглушить душевную боль.

– Значит, вы думаете, что он опять схватится за бутылку?

– Нет, не думаю. Потому что ему хватит ума, чтобы понять: если он хочет помочь сестре, то должен сохранять голову ясной. А его желание помочь Агате сильно. Чрезвычайно сильно! Но, увы, когда он начнет искать себе пристанище, а все лондонские двери захлопнутся перед ним одна за другой, надо будет не спускать с него глаз.

– Вы же только что сказали, что граф не станет опять напиваться.

– Я в этом уверена. Но он еще больше разозлится, а мы с тобой обе знаем, на кого его гнев будет направлен. Надо следить, чтобы Брент не наделал каких-нибудь глупостей, пока не совладает со своим гневом.

Служанки не стали подвергать сомнению высказывание Олимпии, поэтому она вздохнула и закрыла глаза. Увы, было ясно: скоро Брент столкнется с горькой правдой, которую от него так долго скрывали. Он, должно быть, прекрасно понимал, насколько отвратительно вел себя два последних года, но ему еще предстояло узнать, что его мать воспользовалась этой ситуацией, чтобы полностью очернить его в глазах общества. Так что ему предстояло выдержать серьезное испытание.

Глава 5

С тем, что такое унижение, Брент был знаком. Однако его еще ни разу не унижал презрительно усмехавшийся дворецкий. Все-таки он граф Филдгейт, за которым стояла многовековая история с длинной родословной, а благодаря его удачным инвестициям – еще и большие деньги. Совсем недавно многие мамаши вели ожесточенные интриги, чтобы женить его на своих дочерях, теперь же никто не желал его видеть…

Брент посмотрел на разбросанные у его ног клочки визитной карточки, которую дворецкий, разорвав, бросил ему в лицо с искренним пожеланием от леди Анабел Тоттенхэм, чтобы он, Брент, провалился в тартарары. В дополнение к этому «путешествию» ему еще пожелали гореть в аду. Брент не мог припомнить, чтобы когда-нибудь обижал эту женщину, однако он мало что помнил из того, что происходило в последние годы. Не помнил и того, чтобы когда-нибудь обижал ее придурковатого сына, вместе с ним участвовавшего в оргиях. Но Брент был бы в высшей степени удивлен, если бы узнал, что он, оказывается, пытался соблазнить или даже соблазнил почтенную даму, которой уже стукнуло шестьдесят, никак не меньше.

Оправив плащ, граф спустился по ступенькам и зашагал к тому месту, где оставил наемный экипаж. Куда же теперь? В голову ничего не приходило. Все двери – куда бы он ни стучался – уже захлопнулись перед ним. Да-да, все знакомые, с которыми он пытался поговорить, отказались увидеться с ним и послали к чертям.

Что ж, теперь ему надо было решить важную проблему, а именно: куда же деваться? Он надеялся, что сможет устроиться у кого-нибудь из старых знакомых, но дамы из высшего общества заблокировали все пути. В фамильном лондонском особняке, многие годы принадлежавшем графам Филдгейтам, никто не посмел бы отказать Бренту, но при мысли, что придется спать под одной крышей с матерью, ему стало тошно. К тому же он не был до конца уверен, что сумеет сдержать приступ гнева.

Граф посмотрел на шедшего рядом Томаса – чистого, разодетого.

– Получается, что мне негде остановиться.

– Глупые женщины!.. – Мальчик покачал головой. Они как раз подошли к карете. – Вы можете быть грязной свиньей, милорд, но…

– Благодарю тебя, Томас, – пробормотал граф. – Ты исключительно деликатно выразился.

Не обращая внимания на его слова, Томас продолжал:

– Но вы никогда не смогли бы обидеть женщину – даже злую старую ведьму.

– Спасибо, Томас. Жаль, что никого из моих хороших друзей нет в городе. Если бы они не разъехались, я был бы избавлен от этого унизительного общения.

– Тогда нам придется вернуться в Уоррен. Там полно комнат.

– Мне нельзя остановиться там. – Брент постарался не показывать, как его соблазняла эта идея. – Леди Олимпия не замужем, а в Уоррене не живет никто из ее родственников-мужчин. Разделить с ней кров в такой ситуации означает погубить ее репутацию навсегда.

Томас присвистнул и насмешливо проговорил:

– На свете полно дураков. А леди Олимпия – она ведь не невинная девица, а вдова. И хорошо, что вдова, а то над ней стали бы смеяться и говорить, что она старая дева и все такое…

– Как-как? – Брент захлопал глазами. Тут до него наконец дошло, что сказал Томас, и он схватил мальчика за руку. – Так что, леди Олимпия вдова?!

– А вы не знали? – Томас высвободил руку и полез в карету. – Ее выдали замуж чуть ли не ребенком, а потом тот идиот умер. Она говорит, что у вдов есть привилегии, и первая из них – не замечать никого.

Так как больше никаких идей у Брента не появилось, он приказал кучеру отвезти их в Уорлок-Уоррен.

– Но ей все равно нужно очень тщательно следить за своей репутацией, – заметил граф. – Мне кажется, мало кто помнит о том ее скоротечном браке. Если при нас будут все время находиться ее родственники – даже и в этом случае могут возникнуть кошмарные слухи по поводу того, что я останавливаюсь в Уоррене, когда приезжаю в город. Мы ведь только что убедились, что я теперь пария.

Томас нахмурился:

– Это означает «дурной человек»?

– Очень дурной.

– Из-за чего? Из-за того, что вы много пьете и якшаетесь с потаскухами? Ха, да ведь этим занимаются большинство джентльменов!

– Возможно, занимаются, но, думаю, не так увлеченно, как я два последних года. – Граф вздохнул и посмотрел в окно, пожалев о том, что приходится возвращаться в Уоррен. – Однако я не могу представить, что натворил столько, чтобы заслужить такое презрительное отношение.

Брент в очередной раз пожалел о том, что друзей не оказалось в городе. Он не сомневался: никто из них не отказал бы ему в гостеприимстве. У него даже возникла мысль: не объехать ли их дома? Ведь и в отсутствие хозяев разрешение погостить у них оставалось в силе… Но потом Брент решил не испытывать судьбу.

– Однако ничто не может помешать нам вернуться в Уоррен, выпить чаю, пообщаться с хозяйкой и подумать, что делать дальше, – сказал граф, немного помолчав.

Ему понравилось, что Томас только кивнул в ответ. По выражению лица парнишки стало понятно: он знал о том, что у Брента не было никакой плодотворной идеи. Хорошо хоть не стал вслух сомневаться в его умственных способностях. Для того, кто еще несколько дней назад был всего лишь чистильщиком сапог, юный Томас очень уверенно занял свое место рядом со сводным братом.

В других обстоятельствах Брента позабавило бы, с какой легкостью Томас избавился от подневольного состояния слуги и вышел в широкий мир, открыто признав себя незаконнорожденным братом графа. Этот мир был не особо расположен к тем, кто родился вне брака, однако, проводя все больше времени в компании Томаса, Брент начал думать, что мальчуган сможет многого добиться.

Пока карета катила к Уоррену, граф вспомнил и о других своих сводных братьях, с которыми познакомился, а также о тех, которые пропали. Для него не было особого секрета в том, что отец постоянно изменял матери, однако он даже предположить не мог, что местные женщины нарожали его папаше небольшую армию. Собственная наивность удивила его, и ему стало интересно, столкнется ли он с такой же ситуацией здесь, в городе. Ведь и в Лондоне отец занимался тем же самым, как, впрочем, и в других местах, где ему довелось побывать.

После встречи со сводными братьями, напоминавшей смотр конюхов, только Томас продемонстрировал желание реально изменить свою жизнь. Потрясенный тем, что отец ничего не оставил детям, которых так легкомысленно наплодил, Брент решил сам устроить их жизнь. У него было много возможностей помочь им подняться – причем таким образом, чтобы они не порывали с привычной им жизнью, которую они явно предпочитали всякой другой. По словам Томаса, Тед и Питер тоже хотели для себя лучшей доли, и Бренту оста-

валось только надеяться, что эти парни реально представляли, с чем в жизни могли столкнуться незаконнорожденные, пусть даже их отец – граф.

– А вот и дом, где живет ее светлость, милорд, – объявил Томас, прерывая его мысли. Карета в этот момент стала подниматься в гору.

«Уоррен выглядит намного приличнее, чем в последний раз, когда я приезжал сюда с визитом», – думал Брент, расплачиваясь с возницей. Пенелопа и Эштон восстановили дом в былом великолепии. Оглядев улицу, он отметил, что вид соседних домов тоже изменился в лучшую сторону по сравнению с тем, какими они предстали перед ним два года назад. Здесь больше не ощущался дух упадка и разрухи. Еще несколько приобретений с последующим ремонтом – и вся улица станет такой же респектабельной, как и соседние.

Брент неожиданно улыбнулся. Разумеется, все это тоже будет принадлежать Уорлокам и Вонам. Постучав в парадную дверь, он пришел к выводу, что стоило присмотреться к заброшенным участкам по соседству с аристократическими районами, чтобы потом благоустроить их и сделать привлекательными для представителей знати. Это будет чрезвычайно выгодное вложение…

Граф очень удивился, когда, прервав течение его мыслей, дверь открыла сама хозяйка.

– Так вы заходите или нет? – Олимпия жестом пригласила их в дом и захлопнула за ними дверь.

– Я не могу оставаться здесь, и вы прекрасно об этом знаете, – заявил Брент, а Пол в это время принимал его плащ, шляпу и трость.

– Но вам больше негде остановиться, верно? – Не дожидаясь его ответа, баронесса добавила: – Пройдемте в гостиную. Энид сейчас подаст чай с бисквитами, и мы сможем поговорить.

Это будет очень неловко: рассказать ей о том, что с ним произошло, но Брент покорно последовал за хозяйкой, предчувствуя, что такая ситуация ее совсем не удивит. А она ведь наверняка знала все заранее! Почему же скрыла это от него?! Впрочем, едва ли ей было удобно говорить с ним о том, что он превратился в человека, которого не хотели видеть у порога своих домов респектабельные лондонцы. Но если так, то можно ли на нее положиться?

Краем глаза Брент заметил, что Томас тотчас направился в сторону кухни. Похоже, Энид избалует мальчишку, как уже давно баловала Мэри. Брент очень надеялся, что ему удастся разыскать сестру девушки – вторую тетку Томаса, которая исчезла примерно в одно время с Тедом и Питером.

К тому времени, когда подали чай с бисквитами и они с Олимпией снова остались одни, граф уже был готов обсудить унижающий его факт – ему негде жить. И в этом некого было винить: Брент понимал, что у него и права такого не имелось, – только самому себе он обязан тем, что повсеместно стал нежелательной персоной. Хотя если хорошенько подумать и спокойно оценить последствия собственной распущенности, то станет ясно: эти последствия не подразумевали полный запрет на его контакты в обществе, членом которого он являлся от рождения. В конце концов, он ведь относился к самым желанным английским джентльменам: холост, с титулом, без долгов и даже напротив – с внушительным годовым доходом. В его пользу говорило и то, что он молод, здоров как бык и при всех зубах.

– Что вас так развеселило? – спросила Олимпия.

Брент сообразил, что улыбнулся своей последней мысли, и ответил:

– Я как раз подумал: что же нужно было такого натворить, чтобы ни одна мамаша не захотела видеть меня мужем своей дочки?

– Ах, ну да, конечно… – Олимпии очень не понравилось его упоминание о других женщинах, и это ее встревожило.

– Такое впечатление, что в последние годы я просто ужасно себя вел, – продолжал граф. – Никто не хочет открыть передо мной дверь своего дома.

Олимпия опустила чашку на стол. Чтобы подавить внезапное желание подойти к графу и погладить по волосам, она сложила руки на коленях и внимательно посмотрела на него.

– Вы слегка увлеклись кутежами и распутством и сделали это достоянием гласности, но так поступают многие джентльмены. Я не верю – и никогда не верила! – что вы отметились чем-то совсем уж немыслимым, чем-то совершенно недопустимым.

– Но тогда почему же передо мной закрыты все двери?

– Ну, возможно… – Олимпия внезапно замолчала, пытаясь придумать, как выразить свою мысль, чтобы не сделать собеседнику больно.

– Возможно, о моем поведении говорили слишком уж плохо, но так как это исходило из уст близкого мне человека, то никому и в голову не приходило усомниться в правдивости всех этих россказней.

Олимпия поморщилась.

– Да, именно об этом я подумала, когда слухи о вас стали распространяться в нескольких гостиных.

– Слухи о чем?

– Это не важно. – Ей и впрямь не хотелось повторять сплетни.

– Для меня важно. Ведь именно мне предстоит опровергнуть эти слухи.

– Про вас говорили… В общем, якобы вы принадлежите к тому же сорту людей, что и Минден, – сказала Олимпия и тут же увидела, как граф побледнел.

– Моя мать, судя по всему, хорошо потрудилась, – проворчал Брент, и Олимпия не стала спорить по этому поводу. – В результате передо мной не просто закрыли двери. Никто даже не заикнулся о том, чтобы предоставить мне комнату или дом. Интересно, в чем именно мать меня обвинила? У Миндена ведь столько грехов… И если брать его за образец нечестивой жизни, то ей было из чего выбирать.

– Я думаю, вы скоро обо всем узнаете. Ведь если это нечто ужасное, то найдется огромное количество желающих донести слухи до ваших или моих ушей. Но я-то не стану их слушать.

– И верить им не станете?

– Разумеется. Я знаю всех ваших верных друзей, Брент. Они никогда бы не стали иметь ничего общего с человеком вроде Миндена. Следовательно, вы жертва клеветы. А что касается того, где вам остановиться в Лондоне, то можете не переживать по этому поводу.

– Я не уверен, что оставаться под вашей крышей – правильное решение. И не только потому, что мое имя настолько запятнано, что даже мимолетное общение со мной может иметь печальные последствия. – Брент понимал, что оставаться действительно не следовало. И не только из-за того, что пострадало бы ее доброе имя. Слишком уж ему хотелось находиться поближе к ней, как, например, сейчас… Сидеть и смотреть, как она пьет чай, как откусывает маленькие кусочки от бисквита, – это было для него мукой… и наслаждением. Пусть и не обделенный женскими ласками, он вдруг сообразил, что давно не испытывал этого волнующего душу наслаждения от созерцания женщины, которая занимается какими-то совсем простыми делами.

– Да, это правда. Несправедливо, зато правдиво.

– И даже то, что вы вдова, ничем тут не поможет, – добавил Брент.

Олимпия уловила легкую досаду в его темно-серых глазах и нахмурилась. Он явно считал, что она что-то скрывала от него. В известном смысле так и было. Ей очень не нравилось вспоминать про свой быстро закончившийся брак. И уж тем более – говорить о нем. Однако в своем нежелании обсуждать собственное прошлое она не видела ничего особенного.

– Я вас понимаю. Тогда можете занять соседний дом, и никаких слухов не возникнет. Сейчас этот дом стоит пустой, потому что его заново отделывают для Аретаса с молодой женой. Но жить там можно. Молодые супруги не появятся здесь еще несколько месяцев, так что занимайте их дом, а потом не торопясь подыскивайте себе другое жилье.

– Мне это подходит. Но вы уверены, что ваш брат не станет возражать?

– Уверена. Там, по-моему, еще надо переоборудовать кухню. Правда, для вас это не создаст неудобств, потому что обедать и ужинать вы будете вместе с нами.

– Олимпия, вы исключительно любезны. Только мне кажется, что со стороны будет плохо выглядеть, если я стану ходить к вам постоянно.

– Можно сделать так, что этого никто не увидит.

Хозяйка встала и поманила Брента за собой. Он пошел следом, изо всех сил стараясь не пялиться на ее покачивавшиеся на ходу бедра. Олимпия прошла в заднюю часть дома и остановилась перед дверью, ведущей в оранжерею. Брент тотчас сообразил, как можно незамеченным переходить из одного дома в другой. Оранжерею снаружи закрывали заросли плюща, а в противоположном конце арочного прохода виднелась еще одна дверь, которая вела в соседнее здание. И ни один соглядатай не увидит, если кто-то проскользнет из одного дома в другой по укрытому от нескромных взглядов проходу.

– Гениально! Но должен спросить: зачем вам это понадобилось?

Олимпия открыла дверь ключом, затем ответила:

– Аретасу понравилась идея. Ведь так в любой момент можно перейти из одного дома в другой, не обращая внимания на погоду. Сейчас он пытается уговорить нашего кузена Квентина, который недавно купил соседний дом, устроить такой же проход. Знаете, когда Аретас начал свою работу, он еще не помышлял о женитьбе. И тогда решил: зачем сидеть в столовой в одиночестве, когда можно приходить есть к нам?

– Я буду делать то же самое, – сказал Брент, принимая протянутый ему ключ. – Благодарю, миледи. Чудесное решение. – Он широко улыбнулся. – И не только моей нынешней проблемы со слугами. Это поможет нам вместе заставить Миндена держать свои грязные лапы подальше от моей сестры.

– Прислать вам Томаса?

– Да, пожалуйста. Нам нужно обустраиваться. Позже обсудим, что мы с вами предпримем. Я, судя по всему, не смогу появляться в обществе, чтобы заниматься расспросами, – добавил граф, болезненно поморщившись.

Олимпия коснулась его руки.

– Мы все уладим, Брент, и вы себя реабилитируете.

– Весьма сомнительно, что мне удастся очиститься от грязи. Ведь последние два года я вел себя… Откровенно говоря, я далеко не ангел.

– Все, что вы делали, делали и другие, но их не отлучили от общества. Мне кажется, тут очень постаралась ваша мать. Чтобы в нужный момент вы не сумели найти поддержки в обществе и не помешали ей, понимаете?

– И она связала меня по рукам и ногам, чтобы я не сумел вытащить на свет божий делишки, которыми она занимается. Боюсь, мне придется попросить вас собрать кое-какие сведения.

– В этом мне нет равных. Надеюсь, вы простите мое бахвальство.

Брент протянул руку и погладил ее по щеке тыльной стороной ладони. Кожа Олимпии оказалась теплой и шелковистой – такой она была и на вид.

– Почему-то мне кажется, вы обладаете завидной способностью докапываться до истины. Из-за того, что мне устроила мать, придется действовать тайком – чтобы найти то, что сможет помочь положить конец ее фокусам.

Олимпия положила руку на его ладонь, хотя знала, что этого делать не следовало: надо было, напротив, отодвинуться, отступить от него, но ей ужасно нравилось дотрагиваться до Брента и хотелось продлить этот момент. А еще ей хотелось успокоить его. Конечно, он понимал, что представляет собой его мать – один случай с Фейт, девушкой, на которой он собирался жениться, чего стоил, – однако Олимпия сомневалась, что ему известно, насколько леди Летиция жестокая и злобная. Брента глубоко оскорбило то, что мать фактически уничтожила его в глазах общества. Это было видно по его лицу. А он ведь спас репутацию матери, когда просто повернулся к ней спиной и сохранил в тайне то, что она сделала. Она же в благодарность за это всадила ему кинжал в спину – да еще и провернула в ране.

– Брент, на этот раз ты не должен защищать ее ни под каким видом, – тихо сказала Олимпия.

– Знаю. – Он прижался лбом к ее лбу. Ему так требовалось сейчас ее сочувствие… – Я вычеркнул мать из своей жизни и даже попытался забрать у нее младших. Но не смогу уничтожить ее полностью. Я чувствую, что семья будет очень из-за этого переживать. Ведь скандал коснется каждого из нас, если раскроется вся правда о ее делах. Хотя ей явно наплевать на мое доброе к ней отношение. Хуже того, потакая своим страстям, я позволил ей укрепить собственное положение и взять надо мной верх.

– Ты тогда сильно горевал.

– Да, верно. Но еще я пытался пьянством заглушить чувство вины.

– Вины за что? Ты ничего дурного не сделал.

– Да, понимаю… Я ничего дурного не сделал, а Фейт умерла от боли и страха.

Тут Олимпия поцеловала его. Сама не зная почему. Просто не могла вынести страдания, прозвучавшего в его голосе. И вздрогнула от неожиданности, потому что Брент внезапно обвил ее руками и прижал к себе. Она на миг растерялась, когда он коснулся языком ее губ, но тут же приоткрыла губы ему навстречу и прильнула к его груди. Волна жара накатила на нее, и Олимпия тотчас почувствовала слабость – как будто изо всех жил ей пустили кровь. Мысль о том, что она сейчас лишится чувств в объятиях Брента, словно какая-нибудь девочка-подросток, заставила ее встряхнуться и прийти в себя. Упершись руками в грудь, Олимпия осторожно отстранила графа.

Он тоже вдруг сообразил, что слишком уж явно дал понять, насколько Олимпия ему небезразлична. Брент отступил на шаг – собственная несдержанность ужасно смутила его. Однако, не заметив следов осуждения на ее лице, Брент немного успокоился. Более того, даже не подумал извиниться за то, что только что сделал. Потому что с радостью сделал бы это снова.

– Вот еще одна причина, по которой нам нельзя оставаться под одной крышей, – пробормотал граф.

– А, вот вы где!

Глянув через плечо, Олимпия увидела спешившего к ним Томаса. По его лицу стало понятно: мальчик прекрасно видел, чем они с Брентом занимались. Словно ничего особенного не случилось, она с улыбкой сказала:

– Да, мы вот тут. Я как раз собиралась послать за тобой, Томас.

Тут Брент схватил мальчика за руку и, потянув к двери, сообщил:

– Нам теперь есть где остановиться.

– О… Значит, мы тут не останемся и не попробуем, что приготовили Энид и Мэри? – проговорил Томас без всякого энтузиазма.

– Попробуем обязательно. Только сначала надо разместиться в нашем новом доме. Сейчас тайком проскользнем туда, а потом так же незаметно вернемся в Уоррен и пообедаем.

– Замечательно! Теперь я смогу видеться с Мэри когда захочу!

– Тогда пойдем быстрее. Заберем наши вещи и перенесем их.

– Я пришлю к вам Мэри и Энид. Хочу быть уверена, что постели у вас застелены и есть все необходимое, – сказала Олимпия и тут же ушла.

Когда за ней закрылась дверь, Томас нахмурился и принялся пристально разглядывать графа.

– Тебе не нравится, что мы расположимся в другом доме? Предпочитаешь остаться здесь? – спросил Брент.

– Я предпочитаю, чтобы вы не заводили шашни с ее светлостью, – заявил Томас. – Может, я всего-навсего мальчишка, но прекрасно все вижу, милорд.

– Ну да, я слегка увлекся. Именно поэтому мы и не останемся здесь. Боюсь, Олимпия как раз та женщина, к которой меня безудержно влечет. Правда, я не сделал ничего такого, чему бы она воспротивилась, – тихо добавил Брент.

Томас кивнул:

– Тогда все в порядке. Пойдемте устраиваться на новом месте. У меня такое ощущение, что очень скоро нам будет не до этого.

* * *

Олимпия отхлебнула вина из бокала и уставилась в затухавший камин. Томас и Брент приходили на ужин, а потом быстро вернулись в дом Аретаса. Хотя граф не был холоден с ней и в этот раз, но уже не вел себя как человек, от единственного поцелуя которого несколько часов назад у нее чуть не расплавились все кости. Олимпии совершенно не хотелось стать еще одной из его игрушек, но такие колебания – от жара к холоду – ей тоже не нравились. Она до сих пор пыталась восстановить душевное равновесие после того поцелуя. И голова ее была полна мыслей о том, что ей делать дальше и чего не делать.

– Этот человек неисправим, – заявила Энид, входя в комнату. – Всего лишь один день провел рядом с вами – и уже поцеловал.

– С чего ты решила, что он меня поцеловал?

– У вас губы припухли и стали пунцовыми сразу после того, как он убрался в дом вашего брата.

Олимпия потрогала свои губы.

– Припухшие и пунцовые?

– Не чересчур. Так что об этом можно не беспокоиться. Но у вас ведь достаточно разума, чтобы понять: этот человек – развратник. В вашей семье таких множество.

– Энид, я все знаю. И знаю, что Брент барахтается в этой грязи уже два года. Он, правда, и до того не был ангелом. Но мне уже двадцать шесть, и я не какая-нибудь невинная девочка. – Олимпия вздохнула. – Он настолько был потрясен тем, что мать уничтожила его доброе имя… В общем, я попыталась отвлечь его и успокоить. Причем я поцеловала его первая. А он ответил с воодушевлением.

– Вы хотите его.

– Да, хочу. И это одновременно тревожит и радует меня. Я ведь боялась, что уже потеряла способность… ну, наслаждаться, что ли, общением с мужчиной. А теперь радуюсь, что могу обдумать такой вариант.

– Это продолжалось тринадцать лет, Олимпия, – тихо сказала Энид. – Жутко, что ты страдала так долго, но все страхи и боль теперь позади.

– Думаю, что так. Но меня сильно беспокоит, что эти страхи в какой-то момент вдруг вернутся.

– Ты считаешь, что граф тот человек, который тебе нужен, человек, которого ты полюбишь?

– Не знаю, как насчет любви, но я его хочу. Очевидный факт – он заставляет кипеть мою кровь, и тогда я не знаю, бежать ли от него прочь или просто повалить на пол и тут же изнасиловать. – Олимпия усмехнулась в ответ на хохот Энид. – Я пока еще не решила, что мне делать с этим мужчиной.

– Если тебя тянет к нему, если он заставляет кипеть твою кровь, то могу сказать: пусть все идет так, как идет. Тебе можно не бояться потерять девственность, ведь ты давно уже вдова. Возможно, сейчас ты наконец-то поймешь, удалось тебе прийти в себя или еще нет.

– Именно об этом я и думала. – Олимпия допила вино, встала и пошла к двери. – И если отнестись к делу всерьез, то кто сможет мне помочь понять это лучше, чем мужчина, у которого такой богатый опыт? – Она закрыла за собой дверь под хихиканье Энид.

Глава 6

Олимпия решила, что сесть за завтрак с мужчиной, к которому ее так властно тянуло, – предприятие опасное. Брент сумел проскользнуть в дом незамеченным – как и было задумано – и присоединился к ней в столовой. Хотя компанию им с графом составили двое ее юных племянников и Томас, обстановка казалась почти интимной, и с этим ничего нельзя было поделать. Брент, сидевший напротив нее на другом конце стола, был одет как любой другой человек, который выходит к завтраку. Но он во всяком одеянии казался ей весьма соблазнительным. К тому же граф постоянно посматривал на ее прическу – а она просто слегка пригладила волосы, как всегда делала рано утром, – и каждый раз его взгляд, обращенный на нее, теплел, что еще больше увеличивало его привлекательность.

За два прошедших дня они почти не виделись, и Олимпия остро чувствовала, что ей его не хватало. Как странно, однако же… Ведь их связывал всего лишь один-единственный поцелуй, и они довольно редко бывали вместе после того дня, когда она отправилась к нему, чтобы предупредить об опасности, грозившей его сестре. Брент каждый день приходил к ней на чай с бисквитами, чтобы обменяться информацией, которую они собрали, но неизменно в отношениях с ней держал дистанцию. Это, конечно, весьма мудро: держаться именно так, – но она понимала, что долго такого общения не выдержит. От этого у нее начинало мучительно ныть сердце.

Олимпия сосредоточила все внимание на племянниках Артемасе и Стивене, надеясь, что забудет о своей сердечной боли и смущении. В свои девятнадцать и семнадцать они уже не были похожи на мальчиков – скорее на молодых мужчин, – но Олимпия по-прежнему боялась вовлекать их в события, которые могли развернуться самым опасным образом. И ее весьма озадачил тот факт, что когда она сразу по возвращении в Лондон обратилась к родне за помощью, к ней с полного одобрения Пенелопы примчались эти двое, причем оба были из тех, кто первыми открыл жестокую правду об исчезновении Фейт и участии в том деле леди Маллам. Так что Пенелопа прекрасно понимала, насколько опасным может быть новое столкновение с этой женщиной.

– Эштон тоже хотел, чтобы мы отправились сюда, – сказал Артемас. Он улыбнулся, когда Олимпия сурово посмотрела на него в ответ на его попытку воспользоваться своим даром и узнать, как она себя чувствовала, а потом перевел взгляд на Брента. – Эштон хотел поехать с нами, но у Пен подходит срок, и он очень беспокоится. Пен недавно родила близнецов, а теперь вот еще один ребенок, поэтому он и не хочет оставлять ее одну.

– Это вполне понятно, – кивнул Брент. Ему было приятно узнать, что Эштон по-прежнему оставался на его стороне, и он даже испытал укол зависти к другу, у которого теперь имелось все. Однако граф быстро подавил это чувство, чтобы о нем сидевшие с ним за одним столом люди, обладавшие особым даром, ничего не узнали. – Хотя не уверен, что вы чем-то сможете помочь мне.

– Мы несколько лет прожили здесь, – сказал Артемас. – Тогда это место было не таким уж респектабельным, и мы узнали еще много менее респектабельных мест, когда решали проблемы Пен.

– А еще завели себе множество совсем не респектабельных друзей, которые теперь нам могут пригодиться, – добавил Стивен. – Они из тех, кто знает много полезного…

– Ах, ну конечно, – закивала Олимпия, намазывая девонширским сливочным кремом сдобную булочку – творение рук Энид. – У меня тоже возникла мысль привлечь к делу парней.

– Каких парней? – поинтересовался Брент.

– Тех, что только сейчас прибыли, – сказал Артемас и нахмурился. – Похоже, что-то случилось.

Граф едва успел смахнуть крошки с губ, когда Энид распахнула дверь и в столовую вошли четверо оборванцев. Брент немного развеселился, когда его церемонно представили каждому из них – словно знакомили с юными представителями аристократии. Уорлоки и Воны, судя по всему, были совершенно равнодушны к хорошей родословной и относились ко всем людям с уважением, во всяком случае – пока они того заслуживали. И в их семьях слуги наверняка преданы своим хозяевам. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, потому что они были скорее членами семьи, чем слугами.

Брент внимательно разглядывал мальчишек, пока здоровался с каждым из них за руку. Несмотря на грязную, ветхую одежду, в лицах была заметна порода, что немного удивляло. Внешний вид самого старшего из них, Эйбела Пикетта, говорил о том, что он уже вступил в пору взросления. Юноша был рослым, белокурым и зеленоглазым. Изящная лепка лица делала его почти красивым. А Дэниелу Эшбернеру исполнилось десять – мальчик сам посчитал нужным сообщить об этом при знакомстве. Волосы у него были темно-рыжие, глаза – карие, а лицо – просто очаровательное, и, как понял Брент, он знал об этом своем преимуществе и знал, как им пользоваться. Ростом ниже, чем Дэниел, и примерно того же возраста, Дэвид Юл был черноволос и сероглаз, а с лица его не сходило мрачное выражение; Бренту даже захотелось рассмешить мальчика, чтобы тот улыбнулся хотя бы раз. Самым младшим был Джайлз Грин. У этого волосы тоже были черные, но глаза – голубые, почти такие же, как у Олимпии. Брент даже подумал: уж не одного ли из незаконнорожденных Уорлоков или Вонов видел он сейчас перед собой? И все мальчики держались и разговаривали так, словно их кто-то научил хорошим манерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.